

СПОРНАЯ ИСТОРИЯ И ГАРМОНИЗАЦИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПУТИ К ДИАЛОГУ

**Материалы международной конференции
проекта «Крымский политический диалог»**

пос. Песчаное, Крым
23–24 марта 2013 г.

Основными задачами проекта «Крымский политический диалог» является создание системных механизмов предотвращения конфликтов в Крыму через диалог заинтересованных сторон, эмпирические исследования и разработку рекомендаций по формированию политики, институтов и стратегий. «Диалог историков» является новым измерением проекта и направлен на создание платформы для многостороннего диалога в академической среде, разработку и внедрения новаторских подходов в историческом просвещении и подходов к обращению с историей в политическом пространстве.

В данном сборнике представлены доклады ведущих экспертов из Украины, России, Армении, Израиля, Палестины, Германии и Италии, которые поделились своим опытом инновационных подходов к исторической науке, просвещению и выстраиванию исторической политики в разделённых сообществах. Доклады были сделаны на конференции проекта «Крымский политический диалог» «Спорная история и гармонизация межэтнических отношений: пути к диалогу», которая прошла в пос. Песчаное, Крым, 23–24 марта 2013 г.

Ключевые компоненты проекта «Крымский политический диалог» — экспертные диалоги, эмпирические исследования и продвижение политических рекомендаций. Более детальную информацию о проекте можно найти на сайте: www.cpd.crimea.ua

Статьи, включённые в эту публикацию, могут не совпадать с позициями Министерства Иностранных Дел Финляндии как донора проекта и Института ПАТРИР как администратора проекта.

MINISTRY FOR FOREIGN
AFFAIRS OF FINLAND

© ПАТРИР, 2013
© Все права защищены.

В рамках проекта «Крымский политический диалог», который продолжается с 2009 года и направлен на создание системных механизмов предотвращения конфликтов, сопровождающихся насилием, в Крыму, возник проект «Диалог историков» как новое измерение. Ведущие историки из разных этнополитических групп Крыма, которые собрались в этом проекте, разделяют мнение, что история в Крыму постоянно оспаривается и поэтому является разделяющим фактором. В результате Крым не становится обществом, где разнообразие видится как ресурс и где политическое участие, экономические возможности и культурное выражение одинаково доступны всем группам. Разделенность крымского сообщества на сегодняшний день поддерживается в большой степени и историей — в распоряжении политиков имеются предвзятые и селективные интерпретации драматической истории Крыма и населяющих его народов, а историки вносят большой вклад в это разделение.

Инициаторы «Диалога историков» предлагают академической среде и обществу пример нового подхода к изучению, преподаванию и популяризации истории в крымском социуме. Основа этого подхода — критический и многосторонний исторический анализ, создание расширенного общедоступного пула источников, открытость и диалогичность исторического анализа, поиск объединяющего исторического нарратива и создание и внедрение новаторских методов исторического просвещения.

Конференция, материалы которой опубликованы в данном сборнике, стала открытием проекта «Диалог историков». Ведущие эксперты из Украины, России, Армении, Израиля, Палестины, Германии и Италии представили свой опыт инновационных подходов к исторической науке, просвещению и выстраиванию исторической политики в разделенных сообществах. Разнообразие методов исторического анализа, особые концепции и процедуры создания учебников в обществах, где воспитание на нарративах прошлых конфликтов определяет политику и практику современной жизни, медийные и артистические проекты, стимулирующие диалог между сторонами конфликта, а также внешняя и внутренняя политика в обстановке исторического противостояния обсуждались на конференции.

На конференции также был представлен вниманию участников Манифест, разработанный инициаторами проекта «Диалог историков».

Данный сборник предназначен для всех, кого интересует вопрос о роли истории в обществах, переживших и переживающих конфликты.

Наталия Мириманова,
содиректор проекта «Крымский политический диалог»

ПРИНЦИПЫ КРЫМСКОЙ ПЛАТФОРМЫ «ДИАЛОГ ИСТОРИКОВ»

Крым — это регион, в котором живет поликультурное, полиэтничное и поликонфессиональное сообщество и который обладает богатым и разнообразным историческим наследием. Наша земля, поистине, музей под открытым небом — здесь и сегодня можно ознакомиться со следами культур дописьменной древности, иранского мира, античности, переднеазиатских, тюркских, славянских, западно- и южноевропейских народов. Культурное достояние, оставленное в Крыму людьми предыдущих эпох и творимое ныне, создает притягательную ауру для туристов, интеллектуально и духовно обогащает современных крымчан, Украину и является вкладом в копилку культуры человечества. Сейчас в Крыму мирно живут христиане, мусульмане, иудеи, приверженцы других верований и агностики, совместно решают свои проблемы крымские татары и русские, украинцы и представители других народов. Жизненный опыт людей, принадлежащих к разным этническим группам и народам, конфессиям и культурным кругам, взаимно обогащает, помогает творить новые ценности, искать и находить решения трудных задач. Вместе с тем, проживание бок о бок людей и групп, принадлежащих к разным сообществам, несет риски возникновения серьезных противостояний и открытых конфликтов.

Поэтому для Крыма, как и для других подобных регионов планеты, очень важно научиться искусству жить вместе — в постоянном диалоге и поисках компромиссов. Мы гордимся, что, вопреки всем трудностям, наш регион в последние десятилетия не превратился в один из очагов напряженности, а сумел показать образец мирного решения проблем. Вместе с тем, мы осознаем, что в поликультурных землях позитивный баланс во взаимоотношениях разнообразных групп никогда не является окончательным, а требует доброй воли и постоянных усилий для его поддержания. В связи с этим мы, историки, готовы вносить свой вклад в дело консолидации крымского сообщества.

Для достижения этой цели мы, крымские историки, в своей профессиональной деятельности стремимся руководствоваться принципами:

- «правда превыше всего»: постижения и раскрытия исторической правды вопреки политической, этнической, конфессиональной и прочей конъюнктуре;
- «правда и политкорректность неразделимы»: донесения исторической правды общественности в корректной форме, недопустимости ксенофобии, расизма, сексизма в исторических трудах, личных выпадов в сторону историков других взглядов во время научной полемики. «Нет запретных тем — есть морально неприемлемые формы их освещения»;
- «достижения мастерства в ремесле историка»: использования наиболее адекватных современных методов исторического исследования и максимального количества источников при постижении исторической правды;
- «поиска правды в диалоге»: понимания отсутствия всей полноты исторической истины у одного историка и одной научной школы, отвержения претензий на

обладание кем-либо монополии на истину, поддержания постоянного диалога между носителями разных исторических подходов и правд;

- «многомерного взгляда на историю Крыма»: точности в установлении фактов и стремления раскрыть их значение для разных групп исторических актеров; осознания того, что наш регион в разные исторические эпохи и сейчас открыт разным культурным и цивилизационным пространствам;
- «разделения истории и исторической публицистики»: четкой маркировки научных (в т.ч. научно-популярных) трудов и работ, где историческая аргументация используется для достижения внеучебных целей (этнических, конфессиональных, гендерных и пр.).

Мы намерены содействовать популяризации понимания в обществе прошлого Крыма как истории полиэтнического и поликонфессионального региона, в котором взаимодействуют культуры Запада и Востока.

Мы убеждены, что история Крыма может быть одним из факторов консолидации крымского сообщества, и долг историка донести правду общественности, как минимум, руководствуясь принципом: «не навреди». В поисках исторической истины мы приветствуем многообразные научные подходы, которые не противоречат принципам гуманизма, и стремимся к созданию платформы для системного диалога историков разных научных школ из всех этнокультурных групп Крыма. Только благодаря взаимодействию ученых-носителей многообразных традиций можно увидеть историю Крыма во всем ее многообразии и, соответственно, приблизиться к ее более полному пониманию.

Мы призываем всех профессиональных историков и любителей истории, разделяющих вышеизложенные принципы, присоединиться к созданию платформы для системного диалога историков!

ПРИНЦИПИ КРИМСЬКОЇ ПЛАТФОРМИ «ДІАЛОГ ІСТОРИКІВ»

Крим — це регіон, в якому проживає полікультурна, поліетнічна та поліконфесійна спільнота, і який володіє багатою та різноманітною історичною спадщиною. Наша земля, воістину, музей під відкритим небом — тут і сьогодні можна ознайомитися зі слідами культур дописемної давнини, іранського світу, античності, передньоазійських, тюркських, слов'янських, західно- і південно-європейських народів. Культурне надбання, залишене в Криму людьми попередніх епох і твориме нині, вабить туристів своєю аурую, інтелектуально і духовно збагачує сучасних кримчан, Україну і є внеском до культурної скарбнички людства. Зараз у Криму мирно проживають християни, мусульмани, юдеї, прихильники інших вірувань і агностики, спільно вирішують свої проблеми кримські татари і росіяни, українці та представники інших народів. Життєвий досвід людей, що належать до різних етнічних груп і народів, конфесій та культурних кіл, взаємно збагачує, допомагає творити нові цінності, шукати і знаходити вирішення складних завдань. Разом з тим, проживання пліч-о-пліч людей і груп, які належать до різних спільнот, несе ризики виникнення серйозних протистоянь і відкритих конфліктів.

Тому для Криму, як і для інших подібних регіонів планети, дуже важливим є мистецтво жити разом — у постійному діалозі та пошуках компромісів. Ми пишаємося, що, незважаючи на всі труднощі, наш регіон в останні десятиліття не перетворився на одне з вогнищ напруженості, а зумів показати зразок мирного вирішення проблем. Разом з тим, ми усвідомлюємо, що у полікультурних землях позитивний баланс у взаєминах різноманітних груп ніколи не є остаточним, а вимагає доброї волі та постійних зусиль для його підтримки. У зв'язку із цим ми, історики, готові робити свій внесок у справу консолідації кримської спільноти.

Для досягнення цієї мети ми, кримські історики, у своїй професійній діяльності прагнемо керуватися принципами:

- «правда понад усе»: осягнення та розкриття історичної правди без огляду на політичну, етнічну, конфесійну та іншу кон'юнктуру;
- «правда і політкоректність нероздільні»: донесення історичної правди до громадськості у коректній формі, неприпустимість ксенофобії, расизму, сексизму в історичних працях, особистих випадів на адресу істориків інших поглядів під час наукової полеміки. «Немає заборонених тем — є морально неприйнятні форми їх висвітлення»;
- «досягнення майстерності у ремеслі історика»: використання найбільш адекватних сучасних методів історичного дослідження та максимальної кількості джерел в осягненні історичної правди;
- «пошуку правди шляхом діалогу»: розуміння відсутності всієї повноти історичної істини в одного історика та одній науковій школі, відкидання претензій будь-кого на монопольне володіння істиною, підтримка постійного діалогу між носіями різних історичних підходів і правд;
- «багатовимірний погляд на історію Криму»: точності у встановленні фактів і прагнення розкрити їх значення для різних груп історичних акторів; усвідомлення того, що наш регіон у різні історичні епохи та тепер є відкритий для різних культурних та історичних просторів;

- «поділу історії та історичної публіцистики»: чіткого маркування наукових (у т.ч. науково-популярних) праць та робіт, де використовується історична аргументація для досягнення позанаукових цілей (етнічних, конфесійних, гендерних та ін.).

Ми маємо намір сприяти популяризації в суспільстві розуміння минулого Криму як історії поліетнічного та поліконфесійного регіону, в якому взаємодіють культури Заходу і Сходу.

Ми переконані, що історія Криму може бути одним із чинників консолідації кримської спільноти, і обов'язком історика є донести правду до громадськості, як мінімум, керуючись принципом: «не нашкодъ». У пошуках історичної істини ми вітаємо різноманітні наукові підходи, що не суперечать принципам гуманізму, і прагнемо до створення платформи для системного діалогу істориків різних наукових шкіл з усіх етнокультурних груп Криму. Лише завдяки взаємодії вчених-носіїв різноманітних традицій можна побачити історію Криму в усьому її розмаїтті та, відповідно, наблизитися до більш повного її розуміння.

Ми закликаємо всіх професійних істориків, які поділяють вищезазначені принципи, приєднатися до створення платформи для системного діалогу істориків!

«ТАРИХЧЫЛАР ДИАЛОГЫ» КЪЫРЫМ ПЛАТФОРМАСЫНЫНЪ ЭСАСЛАРЫ

Къырымда медениети, миллети ве дини башкъа-башкъа олгъан адамлар яшагъаны ичюн онынъ гъает зенгин тарихий мирасы бар. Юртумыз — акъикъатен де, кок астында бир музейдир. Бу ерде къадимий девирлернинъ, фарс, антик, асиялы, тюрк, славян, гъарбий ве дженюбий авропа халкъларынынъ медениетлерине аит излерни раскетирмек мумкюн. Эвельки несиллернинъ къалдыргъан медений вариети эм де шимдики несиллер тарафындан мейдангъа кетирилген янгы медений вариант туристлерни джелп этерек, шимдики къырымлыларны, Украинаны маневий джеэттен зенгинлештиререк, умумен бутюн инсанлыкънынъ медениетине де озь иссесини къошмакъта. Бугунде Къырымда христианлар, мусульманлар, еудийлер, дигер динлерге менсюп олгъан адамлар достане муитте яшайлар ве умумий проблемлерни бирликте аль этмеге тырышалар. Чешит этник группаларгъа, дин, медениет ве халкъларгъа менсюп адамларнынъ аятий теджрибеси эр кес ичюн айдалы олып, муреккеп меселелерни берабер чезмеге ярдымлашалар. Лякин, бунынънен берабер, чешит топлулыкъларгъа менсюп адамлар ве группаларнынъ ян-янаша яшамалары джиддий зыддиет ве ачыкъ даваларгъа кетире биле.

Бунинъ ичюн Къырым эм де онъа бенъзер регионларда бераберликте яшайбильмек гъает муимдир. Бунинъ ичюн даимий диалог ве компромисс керек. Бизим регионумыз, чешит тюрлю зыддиетлерге бакъмадан, барышыкъта яшавнынъ, проблемлерни барышыкъ ёлунен чезювнинъ нумюнеси олгъанынен гъурурланамыз. Лякин чокъмедениетли ерлерде чешитли группаларнынъ мусбет балансы эр вакъыт да даимий ола бильмей. Бунинъ ичюн эпимизден гъайрет ве ираде талап олуна. Бойлелкинен, биз, тарихчылар, Къырым джемиетини бирлештирювге озь иссемизни къошмагъа азырмыз. Бунинъ ичюн биз, тарихчылар, профессиональ фаалиетимизде макъсадымызгъа иришмек ичюн ашагъыдаки принциплерге риает этмеге тырышамыз:

- «акъикъат эр шейден устундир»: тарихий акъикъат сиясий, этник, диний ве сарире конъюктурагъа бакъмадан, идрак этильмели ве ачыкъланмалы;
- «акъикъат ве сиясий узлашув болюнмез»: джемааткъа тарихий акъикъатны догъру ве эдепли тарзда еткизмели, тарихий эсерлерде, тарихчыларнынъ ильмий музакереси эснасында диний адаветке, ыркъчылыккъа ёл бермек олмаз;
- «тарих унерини усталыкънен менимсев»: тарихий акъикъатны огренгенде олдукъча чокъ менбаларгъа эсасланмакъ ве тарихий тедкъикъатлар девамында земааневий усуллардан айдаланмакъ;
- «диалог эснасында акъикъатны араштырмакъ»: бир тарихий акъикъаткъа я да ялынъыз бир ильмий мектепнинъ малюматларына эсасланмакъ олмаз, чешит тарихий акъикъат ве янашувларнынъ ташыйыджылары арасында даимий диалог олмалы;
- «Къырым тарихына этрафлы бакъыш»: чешит группаларгъа аит тарихий фактларны догъру белгилемели, бизим регионумыз чешит тарихий девирлерде ве шимди чешит медениетлер ичюн ачыкъ олгъаныны анъламалы;
- «тарих ве тарихий публицистиканы айырды этюв»: ильмий (ильмий-популяр) ишлерде ильмий олмагъан (этник, диний, гендер ве иляхре) макъсадларгъа иришювнинъ там маркировкасы.

Къырым этник ве диний джеэттен фаркълы бир регион олгъаныны, бу ерде Гъарп ве Шаркъ медениетлери озъара мунасебетге булунгъаны джемиетке анълатмакъ, бу фикирни кутълевийлештирмек ёнелишинде чалышаджакъмыз.

Эминмиз ки, Къырымнынъ тарихы Къырым джемиетдашлыгъыны бирлештиреджек бир фактор ола биле. Тарихчынынъ вазифеси — «зарар кетирме» принципинден ёлбашчылыкъ аларакъ, джемиетке акъыкътны еткизмектир. Тарихий акъыкът араштырылгъанда, чешит ильмий янашувларгъа къаршы дегильмиз. Энь муими — инсаниетлик принциплерине риает этмели, чешит ильмий мектеплерге ве этномедений группаларгъа менсюп тарихчылар арасында системли диалог къурмалы. Фаркълы анъанелер ташыйыджысы олгъан алимлернинъ озъара эмекдашлыгъы саесинде Къырым тарихынынъ чешитлилигини коръмек ве даа да чокъ анъламакъ мумкюн.

Биз, юкъарыдаки принциплернен разы олгъан профессиональ тарихчыларны, тарихнен меракълангъанларны тарихчыларнынъ системли диалогыны теминлейджек платформаны мейдангъа кетирюв ишине къошулмагъа давет этемиз.

Сессия I

**ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
В КОНТЕКСТЕ СПОРНОЙ ИСТОРИИ**

Наталья Яковенко,
*доктор исторических наук,
профессор кафедры истории
Киево-Могилянской академии, Киев*

«СПОРНАЯ ИСТОРИЯ» В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТАХ 2013 г. (на примере грантовых заявок из России, Украины и Беларуси)

Как известно, споры о «праве на прошлое» многолики: мы сталкиваемся с их проявлениями и в академических исследованиях, и более прямолинейно — в школьной дидактике либо в произведениях искусства и литературы, и в т. наз. «исторической политике» официальных органов, ведающих образованием и культурой, и, наконец, в доказательных аргументах дипломатов или спорах политиков. Таким образом, «спорная история» — это не строгая дефиниция, а скорее метафора с довольно размытыми смыслами, поэтому сразу ограничу рамки наблюдений. Мое сообщение будет касаться только одного сегмента «спорной истории» — академического дискурса, причем еще не опубликованного в текстах, а всего лишь задуманного. Другими словами, речь пойдет о склонности историков, скорее всего не осознанной, к сюжетам, которые таят в себе потенциал противопоставления «нашего» (оправданного) и «чужого» (враждебного). Это кажется мне важным по двум, и то далеко не академическим, причинам. Во-первых, отслеживание такого типа научного мышления может послужить своего рода прогнозом того, на каких именно вопросах концентрируется внимание части академической продукции, которая рано или поздно имеет шанс переплыть в школьную и популярную историю; во-вторых, такой анализ сигнализирует о тех «болевых точках», где особенно густо сосредоточен сентимент защиты «наших ценностей» от «спорного» посягательства извне. Итак, моя попытка — это своего рода «диагноз», без которого вряд ли удастся перейти от безадресного порицания к пониманию того, какое лекарство, где и в чем способно помочь.

Материалом для моих наблюдений послужило около 150 грантовых заявок на 2013 год из России, Украины и Беларуси. Эти заявки были поданы на конкурс Международной Ассоциации гуманитариев — увы, последний. Гранты Ассоциации три года продержались на плаву благодаря финансовым остаткам Программы поддержки гуманитарных исследований в трех упомянутых странах, которую в течение десяти лет реализовал Американский Совет научных сообществ. На сегодня эти деньги, к сожалению, кончились, а своих для такого масштабного проекта у Ассоциации пока что нет. Напомню также специфику программы Американского Совета научных сообществ: она с первых дней своего существования была сориентирована не на «звезд» гуманитарной науки, а на т. наз. «среднестатистического доцента» из периферии — человека, чьи шансы пробиться к известным грантовым программам Запада практически равны нулю. В случае выборки, о которой ниже пойдет речь, это особенно важно, поскольку перед нами — не аккуратные проекты людей, которые отлично разбираются в том, на что реально получить деньги, а что не соответствует требованиям открытости, полит-

корректности и прочих категорий такого рода. Напротив, перед нами — довольно «простодушные» предложения, авторы которых не осознают острых углов в своих планах, а их цель, как правило, проста — получить финансовую поддержку для работы в нужных архивах и библиотеках, чтобы завершить уже начатое исследование.

В ходе моего анализа, после отсеивания лингвистических, текстологических, искусствоведческих, философских и издательских проектов, осталось 69 сугубо исторических, исследовательских. Их разброс (очень схематичный) по тематике и по странам представлен на табличке, которую прилагаю к этой статье. Добавлю более подробный комментарий к той трети проектов, которые я определяю как содержащие «потенциал спорности». Речь идет об исследованиях, где обсуждение «права на прошлое» имплицитно присутствует в самой теме предложенной работы. Поясню это более детально на примере двух верхних рубрик таблички — «Древняя и средневековая история» и «Раннее Новое время». Шесть российских и один украинский проект, которые относятся к древней и средневековой истории, совершенно исключают возможность «спорности» иного толка, кроме академической дискуссии. В российском случае авторы собираются анализировать интеллектуальную традицию Византии, герменевтику древнеиндийских «Вед», представления древних египтян о власти, истоки эзотерики масонов и литургический контекст «Слова о законе и благодати» киевского митрополита XI в. Иллариона, а украинский проект посвящен особенностям проповедничества и мироощущения Франциска Ассизского. Как можем убедиться, отдаленное во времени, устоявшееся прошлое, а скорее даже не прошлое, а некая культурная традиция, в которой еще нет места национальным предпочтениям, не вызывает у историков призыва к присвоению.

Однако лишь только мы вступаем на территорию Раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.), т.е. период, в котором впервые начинает проявлять себя феномен протонациональной идентичности, пробуждаются споры о «праве на историю». Среди трех российских проектов нейтральными под этим углом зрения являются два (о крестьянской общине и об описании Сибири в путевых дневниках), зато в третьем некоторой напряженности не удастся избежать по определению. Речь о проекте автора из Петербурга, который посвящен латиноязычным курсам богословия в Киево-Могилянской академии XVIII века. Как историк, отчасти имеющий отношение к этой теме, с трудом представляю себе, как автор сумеет обойти «невыгодное» сопоставление т. наз. «киевской учености» с косным и фундаменталистским российским богословием, которое насильно навязывалось киевским профессорам начиная с 1740-х годов и от которого они при помощи хитроумных уловок долго увертывались (в конечном итоге проиграв натиску Священного Синода). Удержится ли автор в рамках «политкорректности», описывая доньше злободневный поход российского православия против «космополитичного» (в ситуации XVIII в. «латинствующего») Киева — сказать не берусь. То обстоятельство, что данный автор публикуется в Киеве, тесно и дружески сотрудничая с киевскими коллегами, а те в оценках такого противостояния отнюдь не церемонятся, склоняет к выводу, что мы в итоге получим довольно «спорную историю» — в жанре сопоставления «хорошей» (прозападно ориентированной) и «плохой» (агрессивной в своем невежестве) культур.

Сходная ситуация и с единственным проектом из Беларуси, который посвящен Раннему Новому времени. Его автор предложила реконструкцию социокультурной биографии великой княгини Великого княжества Литовского Алены Ивановны — дочери московского царя Ивана III и жены великого князя Александра Казимировича, католика.

Здесь простор для «спорной истории» более чем достаточен: ведь бедная православная княгиня всю свою долгую замужнюю жизнь служила разменной монетой в спорах верхушек Московии и Великого княжества Литовского о «правильной вере», за которыми стояли (что в нашем случае много важнее) московские территориальные претензии на соби́рание «древнерусского наследия» за счет мелких княжеств в пределах современной Беларуси. Проекция на современность здесь более чем прозрачна, а как автор распорядится источниковым материалом — прогнозировать не берусь.

В Украине исследование Раннего Нового времени сегодня находится на взлете, получая поддержку либо из «домашнего» кармана, если речь идет о казачестве, вошедшем в канон национальной «исторической памяти», либо из польских фондов, если предметом работы выступает Речь Посполитая. Поэтому на грантовый конкурс Международной Ассоциации гуманитариев поступил единственный проект, тематически выпадающий из этого мейнстрима. Он посвящен мировоззренческой основе киевского польскоязычного «Патерикона» 1636 года издания (эта книга представляла собой выборочный и, добавлю, заметно «латинствующий» пересказ древнерусского Киево-Печерского патерика). Оставляя в стороне содержание трактата, подчеркну, что его автора, будущего киевского митрополита Сильвестра Косова, во-первых, Римская курия рассматривала как приемлемую кандидатуру на пост патриарха соединенного православно-униатского Киевского патриархата; во-вторых, Косов резко оппонировал Переяславскому договору 1654 г.; наконец, в-третьих, он был позже причислен Синодом к «неправильным» киевским богословам вместе со своей книгой. Сумеет ли автор корректно описать эти острые углы «спорной истории» российско-украинских церковных взаимоотношений — сказать не берусь, но тема уж больно горяча!

Не буду столь же детально представлять тематику остальных проектов, в которых я подозреваю почти неизбежное вторжение в сферу «спорного». Ограничусь только общим перечислением сюжетов, которые предполагается исследовать. Это, как правило, локальные либо этнонациональные особенности периферий сравнительно с центром Российской империи или Советского Союза. Вот несколько примеров: 1) сопоставление обычаев степного права и насаждаемых в XIX в. имперских законов (ясно, какими методами и на чьей стороне оказался в итоге перевес); 2) имперская политика инкорпорации калмыцкой и башкирской элиты (проект из Улан-Удэ с соответствующими оценками и акцентами сочувствия); 3) бытование арабоязычной графики в XIX — начале XX в. среди крымских татар (в подтексте — поиск форм национальной идентичности крымских татар вопреки имперской политике русификации); 4) исследование о католиках Красноярского края (т.е. ссыльных поляках и литовцах, а следовательно, гонимых «чужой» властью); 5) исламская идентичность казанских татар в контексте постсоветского «возрождения» и национальной активизации; 6) образ советской власти (добавлю, весьма нелестный) в представлениях жителей межвоенного Северного Кавказа; 7) идентичность русскоязычного населения постсоветского Узбекистана (проект прописан слабо, но, судя по формулировкам, с позиций «правды» русскоязычных); 8) история одной из украинских партий коммунистического толка (т. наз. «боротьбистов», уничтоженных поголовно по обвинению в национализме еще до Большого террора) и т.д.

Конечный выход на конфликт «нашего» с чужим/враждебным и в упомянутых, и в других проектах такого рода не артикулирован прямо — его скорее можно только предполагать, исходя из обоснования цели и перечня исследовательских вопросов. Единственным исключением на этом фоне является украинский проект автора из Харькова,

где проблематика «спорной истории» поставлена во главу угла. Данная работа предполагает изучение официальной политики конструирования идентичности в Приднестровье (как образно ее названо в проекте «Кто предлагает и контролирует смыслы»). Автор, однако, не историк, а социолог, стажировалась она в Соединенных Штатах, а публикуется, судя по перечню статей, преимущественно на Западе.

Суммируя свои наблюдения, сформулирую следующие выводы (разумеется, гипотетические):

- 1) Чуткость к проблематике «спорной истории», как представляется, можно осторожно связать с ситуацией незавершенного формирования политической идентичности: ср. довольно выразительный перепад между Россией и Украиной в пропорциональном соотношении проектов такого рода (23% против 46%). Объяснить «лидерство» Беларуси (около 80%) этим же фактором заманчиво, но вряд ли корректно, ведь белорусских проектов было подано слишком мало.
- 2) Принципиальным мне представляется территориальный разброс в реакциях на вызовы «спорной истории» в России и на Украине (о Беларуси, как и в предыдущем случае, судить трудно: проектов поступило мало, и все они, за единственным исключением, присланы из Минска). Из приведенных в табличке данных видно, насколько «солидарно» украинские историки отзываются на проблему и в Киеве, и в неформальных столицах регионов — Днепропетровске, Львове, Симферополе, Харькове. Другая картина в России, где проектов соответствующего содержания из Москвы не поступило вообще, из Петербурга только три (реально два, о третьем авторе я уже упоминала: он «чужой среди своих»), тогда как остальные написаны либо в национальных республиках (Казань, Улан-Удэ, Уфа), либо в достаточно оппозиционных центру перифериях (Красноярск и Ставрополь). Как исследователь истории XVI-XVII вв., а тем более как человек, который слабо ориентируется во внутренних проблемах сегодняшней Российской Федерации, не рискну пускаться в комментирование незнакомого мне поля, но разница слишком заметна и, думается, вряд ли случайна.
- 3) Наконец, последнее: почему сюжеты «спорной истории» фиксируются в проектах не прямо, а только латентно? Ведь единственный прямой проект соответствующего содержания, о котором было сказано выше, написан не историком, а социологом, к тому же ученым западного формата. Предположительно, в основе такого явления лежат: либо 1) нечеткое представление о собственных исследовательских целях (а проще говоря, неумение ясно сформулировать гипотезу и задачи работы); либо 2) слабость методологической рефлексии (т.е. тоже, проще говоря, непонимание разницы между привычной еще с советских времен историей-конфликтом и историей, отрицающей роль конфликта как движущей силы в историческом процессе); либо, наконец, 3) «осторожность» (т.е. политкорректная самоцензура).

Судя по текстовому обоснованию абсолютного большинства проектов, представленных для получения грантовой поддержки, преобладают два первых фактора. В итоге можно констатировать, что «лекарство» от склонности концентрироваться на «спорной истории» весьма тривиально — улучшение качества исторических исследований. Это, однако, отсылает нас к большим вопросам реформирования исторического образования, то есть выходит за пределы задач автора данной статьи.

**Исследовательская чуткость на «спорную историю»
(по грантовым проектам
Международной Ассоциации гуманитариев 2013 года)**

Тематика	Россия	Беларусь	Украина
Древняя и средневековая история	<u>Всего</u> 6 С потенциалом противопоставления 0	Проектов такого содержания нет	<u>Всего</u> 1 С потенциалом противопоставления 0
Раннее Новое время	<u>Всего</u> 3 С потенциалом противопоставления 1: – Петербург	<u>Всего</u> 1 С потенциалом противопоставления 1: – Минск	<u>Всего</u> 1 С потенциалом противопоставления 1: – Киев
Российская империя	<u>Всего</u> 12 С потенциалом противопоставления 2: – Петербург – Уфа	<u>Всего</u> 1 С потенциалом противопоставления 1: – Полоцк	<u>Всего</u> 4 С потенциалом противопоставления 2: – Днепропетровск – Симферополь
Советский Союз, советское общество, постсоветская ситуация	<u>Всего</u> 30 С потенциалом противопоставления 9: – Барнаул – Казань (2) – Красноярск – Набережные Челны – Петербург – Ставрополь – Улан-Удэ – Уфа	<u>Всего</u> 3 С потенциалом противопоставления 2: – Минск (2)	<u>Всего</u> 7 С потенциалом противопоставления 2: – Киев – Львов <i>Проект, непосредственно посвященный «спорной истории»</i> 1: – Харьков
Итоговая пропорция	<u>Всего</u> 51 С потенциалом противопоставления 12 [~ 23 %]	<u>Всего</u> 5 С потенциалом противопоставления 4 [~ 80 %]	<u>Всего</u> 13 С потенциалом противопоставления 6 [~ 46 %]

Никита Соколов,
*историк, шеф-редактор журнала «Отечественные записки»,
кандидат исторических наук,
соавтор книги «Выбирая свою историю:
Развилки на пути России от Рюриковичей»,
Москва*

ПРЕОДОЛЕНИЕ ГЕРОИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

Построение коллективной идентичности в культурах европейского типа в последние три столетия было по преимуществу сопряжено с выстраиванием на основе исторического материала последовательных повествований, дающих ответ на вопросы о характере коллективной «судьбы», героях и злодеях нации. О научной истории тут, разумеется, речи нет. Она отвечает, как и всякая наука, только на вопрос, истинно или ложно некоторое высказывание (в данном случае о прошлой деятельности людей) и сквозного повествования, трактующего «что такое хорошо и что такое плохо», создать в принципе не может. Речь идет о «школьной» и популярной истории, составляющих единственное достояние гражданина, не занимающегося историей специально. До середины XX века эти повествования повсеместно имели характер «героического нарратива», построенного на противопоставлении «мы» — «они». В связи с чем такое повествование тяготеет к политическим и военным сюжетам, способствующим сплочению изобретаемого «мы», занятого почти исключительно наращиванием государственной территории и обороной ее от внешних посягательств, культура же, в современном антропологическом смысле, вовсе в этой картине отсутствует (эта важнейшая часть исторического творчества народа усекается до параграфа «быт и успехи изящных искусств» в конце каждого раздела).

Но это еще полбеда. Беда, что в рамках «героического нарратива», в силу самого устройства повествования, история представляется безальтернативным процессом, направляемым некими силами, неподвластными человеку. Должность этой движущей силы некогда исполнял божественный промысел, затем на смену ему в эпоху Просвещения пришел универсальный разум, которого в свою очередь потеснил «естественноисторический закон смены общественно-экономических формаций», а в последнее время — «борьба цивилизаций». Тем самым общественные группы, неважно на каком основании сплотившиеся — этнические, политические, культурные... — оказавшиеся некогда в состоянии «побежденных» и «проигравших», проигрывают не своим более удачливым, но принципиально равным конкурентам, а некоему «закону истории», обречены на маргинальность и лишаются права на историческое творчество впредь.

Такой способ толкования исторического процесса не только находится в совершенном противоречии с современными научными представлениями об истории как исключительной области свободного творчества человека, но и губителен для «открытого» общества модерна, в рамках которого непрерывно идет конкурентная борьба разных проектов будущего, причем сторонники разных проектов, естественно, опираются на опыт разных «предтеч» и «героев» в прошлом, действия и мысли которых могут быть модернизированы и послужить моделью новых типов общественного поведения. Куль-

тивирование памяти в форме героического нарратива осложняет жизнь даже благополучных обществ, пришедших к широкому консенсусу относительно базовых целей и ценностей сообщества. В тех же обществах, где такой консенсус не достигнут, борьба за право формировать общеобязательный «нарратив» принимает формы острых «войн памяти» и «боев за историю», дополнительно раскалывающих общество и обостряющих внутренние трения.

Когда после Второй мировой войны это свойство героического нарратива было вполне отрефлектировано, демократические страны во всем мире постарались уйти от него в школьной истории. Пути отхода были различны. В Британии вовсе отказались от хронологического преподавания школьного курса и перешли к обучению школьников навыкам научной критики источников на примере отдельных важных эпизодов и событий. Во Франции хронологическое повествование осталось, но центр его тяжести сместился от политических и военных событий в сторону «культурной антропологии» — на изучение институтов повседневности и обычаев, составляющих главный продукт исторического творчества рядового человека.

В России и поныне продолжает господствовать традиционная школьная история в практически неизменном почти за двести лет виде. Применительно к России матрицу героического нарратива создал Николай Михайлович Карамзин. Основные ее постулаты он сформулировал в «Записке о древней и новой России», представленной императору Александру I в марте 1811 года. Сочинение это, напечатанное для публики гораздо позднее, но широко разошедшееся в интеллигентно-бюрократической среде в списках, не только послужило причиной отставки реформатора Михаила Сперанского, но и легло в основу массовых гимназических учебников Николая Устрялова и Дмитрия Иловайского, по которым российские подданные учились отечественной истории до падения империи.

История страны в рамках карамзинской схемы мыслится как история государства, причем государственное могущество прямо связано с авторитарным характером власти. Как афористически формулировал Карамзин в «Записке»: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия и спаслась мудрым самодержавием».

Доказательством этого принципиального тезиса служит фантастическая конструкция российской истории. Основные элементы этой конструкции остаются неизменными по сию пору:

1. Древняя («киевская») Русь представляется единым государством с самодержавной монархической властью, где всем распоряжаются великие киевские князья (эта древняя державность, вкуче с «добровольным призванием» варяжских князей, составляют уникальную черту нашей истории и указывает, что и далее России уготован особый исторический путь).
2. «Удельный период» (в советской версии — эпоха «феодальной раздробленности») представляется эпохой упадка и ослабления страны, следствием которого стало унижительное ордынское «иго».
3. Великие московские князья — единственные наследники древнерусской державы, соединив весь русский народ под своей властью, заложили твердые основания народного процветания, сулящие самые радужные перспективы на будущее, при условии сохранения незыблемой авторитарной власти, каковую российские подданные должны неизменно хранить, несмотря на все творимые временами этой властью бесчинства и безобразия.

4. Любая попытка трансформировать авторитарные политические институты — результат действия враждебных России сил, стремящихся к ее ослаблению и даже вовсе — разрушению.

Эта конструкция, несмотря на то, что уже к исходу XIX столетия была доказана трудами многих историков (прежде всего, разумеется, В. И. Сергеевича, В.О. Ключевского и А. Е. Преснякова) ее полная научная несостоятельность, дожила до наших дней только с двумя важными дополнениями. В 1937-м, когда Иосиф Сталин лично переписывал образцовый учебник истории, составленный кафедрой истории СССР Московского педагогического института им. В. И. Ленина под руководством А.В. Шестакова, внося в него поправки в карамзинском духе, частью обязательной схемы стало представление о безальтернативной, тотально осмысленной и тотально целеустремленной истории, совершающейся, по существу, независимо от человеческой воли в силу закона смены общественно-экономических формаций. Позднее, в брежневские времена, в учебниках утвердилась идеологема «великой победы» в «Великой отечественной войне» в качестве доказательства жизнеспособности и превосходства «русской системы» общественно-политического устройства и администрации.

В научной литературе пытливый читатель, разумеется, немедленно обнаружит доказательства того, что все элементы карамзинской схемы исторической реальности ни в малой степени не соответствуют. Древняя Русь не была единым государством, а скорее ассоциацией самоуправляющихся «волостей». Никим образом не была она и абсолютной монархией — князь был важной политической фигурой, но отнюдь не всевластной, и изгнание князей по вечевому приговору было стандартной и общеупотребительной практикой не только в северо-западных «волостях», но повсеместно. Удельный период был временем чрезвычайно напряженного и успешного исторического творчества, в ходе которого на одном этническом субстрате испытывались различные политические и культурные модели. На этапе образования национального государства главным и долгое время вполне успешным конкурентом гиперцентрализованной Московии было продолжающее в традиции древнерусского городского самоуправления Великое княжество литовское — вполне русское государство, представляемое в московской литературе по традиции совершенно чуждым русскому народу культурно и религиозно. Самодержавие утвердилось в России лишь в XVIII столетии после упорной трехсотлетней борьбы против собственного народа. Тем не менее, карамзинская схема продолжает господствовать в массовой — учебной и популярной литературе. В результате чего ценности свободы и порядка в сознании российского гражданина, лишенного памяти о древней демократической традиции, оказываются в трагическом противоречии. Культурное разнообразие и политическое разномыслие внутри гражданского сообщества представляется ему недопустимым ослаблением государственности. А попытки трансформировать систему в либеральном направлении — «происками госдепа».

Нелепость такого положения сделалась очевидной после падения коммунистического режима, и с 1991 года начались усиленные поиски новой формы популярной истории России, построенной на новых основаниях. Основания эти настолько очевидны для профессиональных историков, что даже до самого недавнего времени не были сформулированы¹. Разрушение «героического нарратива» требовало внедрения в попу-

¹ Лишь в 2013 году по случаю объявленной Владимиром Путиным кампании по выработке единого национального учебника, общественно приемлемые основания новой концепции преподавания были зафиксированы в ходе публичных дебатов специалистов. См.: http://polit.ru/article/2013/07/01/history_principles/

лярный рассказ научной и нравственной норм, отказа от всех рудиментов, отвергнутых наукой гипотез относительно «субстанционального» характера истории, то есть отказа признавать за «формациями» и «цивилизациями» статус материальных сущностей, а не просто метафорических инструментов анализа. Требовалось вернуть на законное место в истории «белые пятна», которые на поверку оказывались «темными страницами» прошлого, дабы опыт ошибок и преступлений, совершенных предками, служил уроком и давал энергию совершенствования общественного быта, предостерегая от соблазна «простых» решений. Необходимо было представить широкому читателю не только достигнутые наукой результаты, но и методы и инструментарий получения исторического знания, принципы и ограничения реконструкции прошлого. Наконец, что самое важное, на мой взгляд, необходимо было показать сущностную альтернативность истории, продемонстрировать, что только в «сослагательном наклонении» она и совершается, и без знания этих реальных альтернатив постижение ее не может быть сколько-нибудь адекватным, а иллюзия фатальной предопределенности процесса возникает лишь в силу ложного «обратного взгляда» на него.

Уже в 1993 году начали появляться новые школьные учебники истории, в которых в разной мере были реализованы отдельные элементы этой программы. Я с коллегами принял посильное участие в этом важном деле. В 2005 году мы с Ириной Карацубой и Игорем Курукиным (моими товарищами по кафедре истории России в Архивном институте РГГУ в 1987–1996 годах) предложили принципиально новую форму повествования о российской истории, рассчитанную на студентов и старших читателей, специально интересующихся предметом².

Социально-политическая история России была представлена нами как цепочка «развилки», точек бифуркации, в которых незначительные усилия малых групп и даже отдельных лиц существенно меняли траекторию движения страны. Такая форма позволяла акцентировать внимание на причинах, по которым общественно-политическая система вошла в состояние неустойчивого равновесия, и показывать альтернативность истории на конкретном материале, представляя, какие варианты преодоления кризиса и какими силами отстаивались (причем ни одна из них не может считаться носителем истины в конечной инстанции), в результате каких обстоятельств победил определенный курс и какие имел издержки и последствия. Сочинение имело довольно значительный успех: оно широко и горячо обсуждалось в прессе, и несколько учителей-энтузиастов даже использовали книгу в качестве учебника. Однако почин не имел продолжения. С 2007 года власти России взяли решительный курс на восстановление героического нарратива как нормы. Проявилось это не только в многократных попытках создания «единственно верного» учебника (что характерно — регулярно отвергаемого учительским сообществом), но и в трансформации общедоступного поля обсуждения исторических проблем, каким остается в России телевидение, но это уже сюжет особого разговора.

² Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Развилки родной истории: Антиучебник. М., 2005 (это первое благотворительное издание, предпринятое иждивением общественной организации «Открытая Россия», имело небольшой тираж и ныне практически недоступно; более широко разошлось и имеется в сети второе издание: Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю: «развилки» на пути России от Рюриковичей до олигархов. М., 2006.

Владимир Маслийчук,
*кандидат исторических наук,
доцент Восточноукраинского филиала
Международного Соломонового университета,
заместитель главного редактора
журнала «Украина модерна»*

ИЗОБРАЖЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. ПОПЫТКИ «БЕГСТВА» И «ПРИЗНАНИЙ»

Конфликт — неизбежная черта любого общества, и даже его преодоление — это определенный конфликт¹. История Украины изобилует конфликтными ситуациями, однако их отражение и интерпретация до этого времени остаются довольно стереотипными. Уход от понимания и обсуждения конфликта только оттягивает дискуссию о нем и абсолютно не содействует преодолению конфликтов в будущем. В нашем случае речь идет об этническом конфликте, конфликте между разными этносами, народностями. В то же время мы понимаем сложность определения такого конфликта, когда речь идет о существовании государства в прошлом, сложной имперской политике, длительных локальных конфликтах и конфликтных ситуациях, неопределенности идентификаций, роли религии. При обсуждении конфликта сложно втиснуться в рамки исключительных классовых, этнических, экономических, религиозных обстоятельств. Обращаем также внимание, что в терминологически мы употребляем современные названия — для «украинцев» это очень важно, но часто не отвечает требованиям следования историзму.

Формирование национальных историографий на территории Центрально-Восточной Европы в XIX в. четко связано с выделением, сепарацией «своего», подчеркиванием ярких страниц истории и определенной ксенофобией в отношении представителей других этносов, а в случае этого пространства — часто и в отношении чужого государства, поработившего другие народы. Эмоциональное восприятие действительности, романтизм, чье влияние неизбежно как на возникновение национализма, так и оформление истории в отдельную науку, придают конфликту особое значение, а историк часто выступает в роли судьи или адвоката. Романтическое видение украинской истории прежде всего связано с «харьковским кружком романтиков» Измаила Срезневского² и позже — с известными историческими и художественными произведениями Николая Костомарова, Пантелеймона Кулиша, Тараса Шевченко. Следует упомянуть и произведения из других литератур пера Николая Гоголя и Юлиуша Словацкого, многих других писателей и историков, привнесших интерпретацию украинского прошлого в свои произведения. Николай Костомаров в ряде своих работ конца 50-х — начала 60-х гг. выделил «народную» украинскую историю и обозначил отличие украинцев от других народов, особенно от русских и поляков. Костомаров использовал тезис, поддержанный последующими интерпретатора-

¹ См. классическую работу по конфликтах: Dahrendorf Ralf. Class and Class Conflict in Industrial Society. — Stranford, 1959 или переведенную на русский язык работу Льюиса Козера: Козер Льюис. Функции социального конфликта / Пер. Назарова О. / — М.: Дом интеллектуальной книги; М.: Идея-Пресс, 2000.

² Кравченко В.В. Нариси української історіографії епохи національного Відродження (друга половина XVIII — середина XIX ст.). — Харків, 1996. — С.201–214.

ми украинской истории об извечной дружелюбности и демократичности украинцев, открытости к влияниям, отсутствию ксенофобии (в отличие от русских). Эти черты историк связывал с географическим положением Украины и «историческими обстоятельствами»³. Публицистические и полемические произведения Костомарова⁴, как и множество исторических экскурсов, заложили как раз понимание мотиваций действий украинцев (уничтожение евреев⁵ и католиков во время восстаний казаков и Колеивщины (легендарное восстание гайдамаков 1768 г.), походы на Крым (украинско-русские конфликты) прежде всего как жертв определенных обстоятельств, мстителей за собственные обиды, но отнюдь не как отдельного «актера на исторической сцене». Такое романтическое видение украинской истории, усиленное прозой и публицистикой Пантелеймона Кулиша, а особенно яркой поэзией гения Тараса Шевченко, имело продолжение в так называемом «народническом течении» украинской историографии (Николай Костомаров, Владимир Антонович, Орест Левицкий). Как раз множество аспектов этого направления было использовано и в историографии XX в., особенно для подчеркивания цивилизационного выбора середины XVII в., откуда проистекает определенная антипольскость и антимусульманские интенции, сохранившие свое влияние до сегодняшнего дня.

Само отношение к конфликту в украинской истории пережило несколько трансформаций. Советское описание украинского прошлого было очень зависимо от народнических схем, также изображавшее украинцев в первую очередь в качестве жертв иностранных захватчиков, лишенных зачастую конфликтной инициативы, только очень сурово и жестоко отвечающих на вызов со стороны оккупанта, соседа, представителя иной общности. В силу многих причин межэтническая и вообще политическая конфликтность изображалась с классовой стороны, социальной классовой конфликтности отводилась ведущая роль. Матрицей украинской советской историографии стали «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией», написанные украинскими историками под эгидой имперского центра к «юбилею» 1954 г., годовщине мифологизированной Переяславской рады, оформившей присоединение казацкого Украинского государства к Московскому царству. Тезисы четко определяли интернационализм украинцев и извечное стремление к воссоединению с братским русским народом⁶. Нужно признать, что само изображение прошлого в советской историографии и государственной политике не следует трактовать однообразно, однако следует принять точку зрения, что образ прошлого СССР в середине XX в. был выведен как своеобразная сумма национальных историографий⁷ с ведущей ролью истории России.

³ Классическая работа Костомарова по этим вопросам: Костомаров Н. Две русские народности // Основа. — 1861 — № 3. — С.33–80.

⁴ См. например статьи Костомарова: Ответ на выходки газеты «Czas» и журнала «Revue Contemporaine» // Основа. — 1861. — № 2. — С. 124—135. Правда полякам о Руси // Основа. — 1861. — № 10. — С. 101–112; Правда москвичам о Руси // Основа. — 1861. — №10. — С. 1–15, 1862. — №1. — С. 58–62.; Иудеям: объяснение по поводу слова «жид» // Основа. — 1862. — №1. — С. 38–58 (кстати, проблема со словом «жид» до сих пор беспокоит украинское общество). См. также по этому поводу: Любченко В.Б. Чинники формування поглядів М. Костомарова на «єврейське питання» та історію українсько-єврейських взаємин // Проблеми історії України XIX — початку XX ст.- Київ, 2011. — Вип. XIX. — С. 402–414.

⁵ Костомаров один из первых беллетризованно показывает конфликт украинцев с евреями и судебный процесс: Жидотрепание в начале XVIII в. // Киевская старина. — 1883. — Т.V. — №1. — С. 1–26, №3. — С.477–492.

⁶ Тези про 300-річчя возз'єднання України з Росією, схвалені Центральним комітетом Комуністичної партії Радянського Союзу. — К., 1954.

⁷ Это очень точно отобразил Сергей Екельчик. См. украинский перевод: Екельчик С. Імперія пам'яті: російсько-українські відносини в історичній уяві. — К., 2008. Считаю, что Сергей Екельчик сегодня наиболее

Миф о миролюбии и ответе на «вызов» украинцев был выгоден интерпретаторам извечной дружбы между народами и сторонникам пролетарского интернационализма, но, на самом деле, был очень далек от действительности. Замалчивание конфликтов, особенно этнических, было довольно своеобразным, а их интерпретации очень противоречивыми: почти полностью замалчивалась история еврейского населения в украинских городах и еврейские трагедии времен «освободительной войны украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого»⁸ и Колеивщины. Отдельные историки писали о татарских набегах на украинские земли в XVI — XVII вв., как об угрозе, почти «геноциде украинского народа», замалчивая длительную череду взаимодействий казаков и татар, особенности приграничной жизни. Схожим образом замалчивались сложные отношения между различными этническими группами на юге Украины во время присоединения Причерноморья к Российской империи. Что уж говорить о сложной палитре взаимодействий между русским и украинским населением на русско-украинском пограничье, конфликтной колонизации Слободской Украины, подрывавшей картину «дружбы братских народов». Не менее сложной была и история многокультурной Галиции. А история Крыма весьма своеобразно освещалась в учебниках и синтетических курсах по истории Украинской ССР, как и история еврейских погромов на территории Украины в составе Российской империи. Хотелось бы подробнее остановиться на этих вопросах по многим причинам, в частности еще и потому, что сама интерпретация конфликта очень многогранна и своеобразна.

Вопрос о взаимодействии крымских татар и украинцев видится одним из самых острых вопросов украинской истории. Народническое понимание проблемы наиболее ярко высказано в произведениях Михаила Драгоманова, особенно в его известной работе «Про українських козаків, татар та турків» (1876). Драгоманов четко определил задачу украинских казаков обороняться от набегов кочевников татар и от натиска Речи Посполитой. Для Михаила Драгоманова в связи с борьбой с татарами опеределено и цивилизационное отставание Украины от Западной Европы: все силы народа были брошены на борьбу со степью, а не на «ремесло и науку»⁹. Разорение Крыма украинскими казаками и уничтожение мирного населения рассматривалось как месть за набеги, пример доблести. Образ постоянной борьбы с татарами подвергался критике, а в 20-е гг. в украинской историографии начался пересмотр позиций отношений с Крымом и был затронут вопрос о влиянии Востока на украинскую культуру¹⁰. Но позиции нового видения взаимодействий не суждено было прижиться. Советская украинская историография четко маркировала татар как врагов, взяв штампы у народнических предшественников,

тщательный интерпретатор украинского прошлого в советское время, хотя, конечно, я не разделяю его оптимизма в вопросах современной ситуации в украинской историографии.

⁸ Яркий пример — судьба исследований Саула Борового о истории украинских евреев, последняя его большая работа по этой теме была опубликована в 1941 г.: Национально-освободительная борьба украинского народа против польского правления и судьба еврейского населения на Украине // Исторические записки. — 1940. — Т.9. — С.83–124, но перед этим к изданию не допустили перевод Борового хроники Натана Ганновера, изображавшего трагедию евреев во время восстания Богдана Хмельницкого. Позже Боровой вынужден был заниматься экономической историей России.

⁹ Драгоманов М. Про українських козаків, татар та турків// Драгоманов М.П. Вибране ... мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні. — К.: Либідь, 1991. — С.202.

¹⁰ Ковалівський А. З історії тюрко-українських відносин. По доповідях другого українського сходознавчого з'їзду (1–5, XI, 1929 р.)// Червоний шлях. — 1930. — №2. — С.; Дубровський В. Україна й Близький Схід в історичних взаєминах // Східний світ. — №2. — 1928. — С.147–158; Про вивчення взаємин України і Туреччини у другій половині XVII ст. // Східний світ. — №5. — 1928. — С.172–183

обозначая свой выбор российской имперской инициативы. Это видно по известным «Тезисам». Главный постулат украинских историков: определение турецко-татарской агрессии, что «угрожала физическим уничтожением населению Украины»¹¹. Вопросы об украинском населении Крыма, грабительских походах, начале депортаций и переселений, трагической истории XX в. почти не затрагивались.

Следует признать, что в последнем большом синтезе советского видения истории Украины 1982 г. отдельные разделы посвящены Крыму и северному Причерноморью. Основание Крымского ханства, по мнению советских историков, «затормозило развитие Крыма», и опять при рассмотрении взаимодействий XV — XVIII вв. речь идет не о сложных и противоречивых отношениях, а об агрессии¹². Проводимая советской стороной политика против татар, критика гетманов, возвеличенных национальной историографией, часто союзников в борьбе с Московским государством и Речью Посполитой, были абсолютно нежелательными и даже запрещенными темами. Таким образом формировалось определенное мнение относительно крымских татар и других депортированных этносов, они лишались права на созидательную историю, изображались дикими кочевниками и наемниками других государств.

Наиболее нежелательной темой для советских и частично постсоветских украинских историков была тема украинско-еврейских взаимоотношений¹³, особенно после репрессий Еврейского антифашистского комитета в 1946 г. Эти взаимоотношения часто были сложными и противоречивыми, однако еврейская составляющая украинской истории очень важна. Даже в публикации источников советский историк пытался избежать конфликтов, например в публикации документов о гайдамацком движении, заменяя слово «жид» на «корчмарь»¹⁴. Еврейские погромы связывались с колониальной политикой царизма и националистическим влиянием буржуазии, что уводило в сторону проблему участия в погромах украинских рабочих и крестьян.

Близок мне по моей тематике конфликт во время встречи украинского и русского населения на колонизируемых территориях Дикого поля, Слободской Украины. Эта конфликтность, особенно в начале переселения, была очень заметной и приводила к частым столкновениям. Но конфликт был сразу введен в народнические интерпретации. Самый выдающийся местный историк Дмитрий Багалея обозначил украинскую колонизацию как «народную», а российскую как «государственную», свел конфликтность до постоянной дихотомии народ/государство¹⁵. Более интересными выглядят интерпретации этих событий советской историографией. Согласно «Тезисам о 300-летию» ут-

¹¹ Такой тезис предлагает одна из самых известных украинских советских историков Елена Апанович: См.: Гуслистий К., Апанович О. Запорозька Січ та її прогресивна роль в історії українського народу. Київ, 1954. — С.20; Апанович О.М. Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії 50–70 рр. XVII ст. Київ, 1961. — С. 7 (Отже, турецько-татарська агресія несла українському народові смертельну загрозу винищення, поглинення іноземними поневолючами. Тому боротьба з нею була протягом кількох століть життєвим завданням українського народу, питанням його існування).

¹² История Украинской ССР. — Киев, 1982. — Т.2. — С. 69, 81, 366, 407 и т.д.

¹³ Следует признать, что в 20-е — начале 30-х гг., до реформирования Всеукраинской Академии наук в Киеве, существовали отдельные структуры, исследовавшие еврейскую историю, Еврейская историко-архивная комиссия, собравшая огромный комплекс документов, а в 1929 гг. был создан Институт еврейской культуры.

¹⁴ Личные воспоминания украинского источниковеда Олега Купчинского.

¹⁵ См. об этом мою статью: Маслійчук В.Л. Діалог «українського» та «російського» на теренах Слобідської України (друга половина XVII ст.) // Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин. — К.: Інститут історії України НАН України, 2003. — С. 435–447.

верждалась извечная дружба между народами и общая борьба с классовым врагом¹⁶. Такая интерпретация характерна для украинских советских работ по истории региона¹⁷. В то же время российский советский историк Владимир Важинский, имея больше свободы для интерпретаций, не отрицал наличие конфликта, придавая ему социально-экономические и отнюдь не этнические черты¹⁸. Эта тенденция характеризует и российскую современную историографию¹⁹.

Особая роль в изображении как социальной, так и этнической конфликтности отводилась полякам и Польше. Один из ведущих украинских историков, учитель первого систематизатора украинской национальной истории Михаила Грушевского Владимир Антонович, получивший воспитание в польской среде, в молодости решил порвать с прошлым, став одним из ведущих деятелей украинского движения. Уже в 1862 г. в основном журнале украинофилов «Основа» Антонович демонстративно разорвал свои отношения с польским миром²⁰. Антонович, имевший большое влияние на украинскую историографию, стал основным критиком «польского» видения истории, полемистом и исследователем частых конфликтных ситуаций. Но одной из главных черт становления украинской национальной историографии было объединение национального вопроса с социальным. Этим, соответственно, подчеркивалось, что украинцы в своей национальной основе — низшие эксплуатируемые слои населения, в то же время поляки — «паны», высшая прослойка общества и эксплуататоры. Освобождение национальное напрямую связывалось с освобождением социальным. Эта особенность украинской истории примитивизирует понимание конфликта как такового. Советский историк попадал в сложную ситуацию: нужно было обосновать с одной стороны дружбу между народами, а с другой — правильность поведения и выбора, историческое прошлое как классовую борьбу. Для обозначения Речи Посполитой употреблялись прилагательные «польско-шляхетская», подчеркивая «национальную» и «классовую» суть этого государства, что уже ставило исследователя в определенные рамки. Образ «поляка» как труса, заносчивой личности, врага был воспринят и украинской литературой и пережил определенную идеологическую эволюцию от «Гайдамак» Тараса Шевченко до исторической советской классики²¹. Деятельность отдельных личностей переносилась на более широкий контекст, на восприятие всех поляков. Если в описании событий до середины XIX в. советскую историографию более-менее устраивала народническая интерпретация польско-украинских конфликтов, изображавшая поляков нацией панов, а украинцев — угнетенных крестьян

¹⁶ Интересно, что в известный сборник документов «Воссоединение Украины с Россией» были включены документы, подобранные с избеганием тем конфликтов украинского и российского населения во время колонизации Дикого поля. Огромное количество копий, документального материала, где ярко отражена как раз конфликтность середины XVII в. до этого времени хранится в Научном архиве Института истории Украины НАН Украины.

¹⁷ Слюсарський А.Г. Слобідська Україна Історичний нарис XVII — XVIII ст. — Харків, 1954. — С.227–240, см. также его же. Социально-экономическое развитие Слобожанщины в XVII–XVIII вв. — Харьков: Кн. изд., 1963.

¹⁸ Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. (на материалах южных уездов России) — Воронеж.: Изд-во Воронежского гос. университета, 1977. — С.158.

¹⁹ См. интересную работу Анатолия Папкова: Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII вв.). — Белгород, 2004.

²⁰ Антонович В. Моя исповедь. Ответ пану Падалице по поводу статьи в VII книжке «Основы» «Что об этом думать?» и письма пана Падалицы в X книжке // Основа. — 1862. — № 2. — С.83–96.

²¹ См. Яковенко Н. Образ поляка в українській історичній белетристиці // Польсько-українські студії. Вип.1. Україна — Польща: історична спадщина і суспільна свідомість. Матеріали міжнародної наукової конференції. Кам'янець-Подільський, 29–31 травня 1992 р. — Київ, 1993. — С. 125–132.

и казаков, то события польского национально-освободительного движения, конфликты времен существования Второй Речи Посполитой (политика пацификации и деятельность украинских националистических организаций), а особенно польско-украинские конфликты времен Второй мировой войны (операция «Висла», уничтожение и выселение польского населения из Западной Украины), избегались и замалчивались как с советской стороны, так и со стороны Польской Народной Республики (ПНР). Но стоило только начаться общественно-политическим изменениям, так эти страницы истории сразу же стали основными темами в освещении польско-украинских отношений.

Главное, что в начале общественных изменений во второй половине 80-х гг. XX в. украинский советский историк оказался не готовым к вызовам времени, признанию и освещению конфликтных ситуаций и сложных проблем прошлого. Часто в позднесоветское время место историков для освещения и интерпретации событий занимали журналисты, писатели, политики, краеведы-аматоры. Историография же углубилась в народнические, государственнические и националистические интерпретации, запрещенные в советское время. Пониманию конфликтности взаимодействий и осуществлению диалога разных культур тогда не было места. Казалось бы известные факты воспринимались как открытие.

Изменение ситуации после падения Советского Союза не было настолько положительным, чтобы кардинально изменить представления о прошлом. Прежде всего сохранение старых институтов и кадров способствовало устоявшейся тенденции замалчивания конфликтов или придания этническим конфликтам классового характера, изображения украинцев как жертв и оправдания насилия с их стороны. Национальная интерпретация независимого украинского государства пыталась тоже обходить острые углы, провозглашая украинцев угнетенной нацией в составе империй, что уже сглаживало любую их вину. Тут следует обратить внимание на еще несколько важных для понимания украинской историографии вещей, прежде всего существенный региональный конфликт внутри государства. Украина оказалась страной с амбивалентной исторической политикой, разделенной по языковому и культурному принципу, имеющей четыре Церкви, провозгласивших себя национальными. Но главное и положительное заключается в том, что как раз Украине, в отличие от отдельных балканских и постсоветских государств, удалось избежать существенных конфликтов и сохранить территориальную целостность. Здесь конечно сложно говорить о заслугах историков в деле интерпретации прошлого, функциональности национального видения истории, но именно прошлое, в том числе и дискуссионное и конфликтное, стало основанием для формирования идентичности.

Одной из острых проблем украинской историографии была и есть интеграция Крыма в общеукраинский исторический процесс. Подобные проблемы касались и других украинских регионов: Закарпатья, Буковины, имевших немного другие исторические традиции и проблемы межнационального характера, с большими этническими общностями «нетитульной» нации.

Существенные сдвиги в историографии были связаны с появлением статьи гарвардского ученого украинского происхождения Омеляна Прицака «Что такое история Украины?» Ученый предлагал шире рассматривать украинскую историю, не как историю отдельного этноса, а всех групп, этносов, народностей, проживавших и прожива-

ющих на территории Украины²², предложил «территориальное видение» украинского прошлого. Огромное влияние на историографию начала 90-х имели статьи и заметки львовского ученого-диссидента Ярослава Дашкевича, не скрывавшего националистических взглядов, однако широко трактовавшего историю Украины и населявших Украину народностей, обращая внимание на многочисленные конфликты.

Конец 90-х — начало 2000-х гг. были связаны с появлением многих положительных тенденций в украинской историографии: расширением интерпретационного поля, исследованием истории национальных меньшинств, попытками осветить диалоги культур, оформлением институционно исследовательских центров и институтов, часто независимых от официоза. Важным событием стали публикации журнала (ежегодник) «Социум», издаваемого Институтом истории Украины Национальной академии наук, где в русле социальной истории исследовались отдельные конфликты. Появились новаторские ознакомительные работы, преодолевающие стереотипы об истории отдельных частей Украины²³. Проводились исследования и возникали издания, посвященные проблемам Холокоста²⁴, событиям на Волыни в 1943 г.²⁵ Но историография Украины окажется очень эклектичной и амбивалентной. Рядом с одними интерпретациями легко уживаются совершенно другие, противоположные, и главное, что вместо научной дискуссии между оппонентами существуют только идеологические клише с риторикой о зависимости исключительно от источников. Критика источников, понимание контекста, методологическая основа и знание историографии остаются вне внимания.

Национальные и националистические тенденции в украинской историографии 90-х гг. XX в. во многом связывались с политикой формирования национального государства, но в начале XXI в. уже не выдерживали испытание временем, потребностью общества в реформировании и вызовами мультикультурализма, расширением влияния либеральных ценностей и глобализации. Политика памяти Украины²⁶ и соседних государств поставили множество вопросов, связанных как с участием украинцев в конфликтах, так и о жертвенности, особенно во время голода 1932–1933 гг., организованного советской властью Голодомора, признанного Верховной Радой Украины 28 ноября 2006 г. «геноцидом украинского народа»²⁷. Таким образом, украинская историография в изображении конфликта должна была исходить из примера уничтожения собственно украинского населения²⁸. Кроме всего, сохранились очевидцы и свидетельства очевидцев этих событий, произошло расширение массово доступных источников. Да и потребность в новых методах и интерпретационных возможностях (усные свидетельства) сыграли огромную роль в освещении прошлого. Для историка оказалась важной и политическая составляющая: евроинтеграционные устремления Украины, внутриевропейское примирение и возможность диалога в этом контексте. Как раз потребность взглянуть

²² Прицак Омелян. Що таке історія України? // Слово і час. — 1991. — №1. — С. 58–63. Смотри критику этой концепции Виталием Сарбеем: Сарбей В. Роздуми з приводу фундаментальної «Історії України»// Київська старовина. — 1995. — №2. — С. 2–10.

²³ Например популярное изложение крымской истории: Гайворонский О. Повелители двух материков. Т.1–2. К., 2007–2009.

²⁴ Например издание с 2004 г. журнала «Голокост і сучасність» Центром изучения Голокоста в Киеве.

²⁵ Напр. Ільющин І. Волинська трагедія 1943–1944. Київ, 2003.

²⁶ См. Портнов А. Упражнения с историей по-украински. М., 2010.

²⁷ См. Закон, подписанный Президентом Ющенко: <http://www.president.gov.ua/documents/5280.html>

²⁸ Создание концепции Голодомора как геноцида см.: Касьянов Г. Dance macabre: Голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії 1980-ті — початок 2000-х. — К., 2010.

на конфликтный заидеологизированный XX век и выделяет современную украинскую историографию.

Но современное украинское понимание прошлого и собственно украинская историография в своем институциональном положении имеет советские истоки. Смена акцентов с классовой на национальную борьбу не привело к дискуссиям о характере и особенностях эмансипационных процессов. Методологически украинская историография в своей основе осталась в плену провинциального советского прошлого.

Второе десятилетие 2000-х обострило те вопросы о конфликтах XX в., которые были слабо изучены историками: участие украинского населения в еврейских погромах, русско-украинские отношения, депортация крымских татар и шире — крымско-украинские и украинско-турецкие отношения в прошлом. Но основные дебаты развернулись вокруг Холокоста на территории Украины и уничтожения польского населения на Волыни в 1943 г. Следует признать, что как и в конце 80-х гг. XX в., украинское общество и украинские историки оказались абсолютно не готовыми к обсуждению собственного прошлого. Они лишь смогли отреагировать на публикации представителей украинской диаспоры и западных ученых и в случае с Холокостом, и в случае волынских событий — после обострения этого вопроса в Польше. Многие историки поняли свою миссию как миссию пропагандиста, защитника деятельности ОУН (Организации украинских националистов) в осажденной внешним врагом крепости. Практически замалчивался вопрос о трагичном уничтожении мирного населения по национальному признаку, жестокости исполнителей, а также не предпринималось попыток понять как жертв, так и «палачей». Надежда на опыт немецкой и польской историографии и общественной мысли, которые прошли процесс тяжелых открытий и моральных травм, оказалась призрачной в посттоталитарном и разъединенном государстве. Но следует признать плюрализм украинской историографии: рядом с изданием основных работ, изображающих волынские события 1943 г. как «вторую польско-украинскую войну»²⁹, на украинский язык был переведен и издан в Украине основной научный труд об этнической чистке на Волыни польского историка Гжегожа Мотыки³⁰. Важную роль также играет интенсивное взаимодействие между польскими и украинскими историками, поддержка Польшей и ЕС исследований сложных вопросов³¹.

До сегодняшнего дня украинская историография в самом широком понимании не готова к признанию конфликтности собственной истории, преодолению легенды об извечной украинской толерантности и отсутствии ксенофобии. Замалчивание или односторонняя интерпретация конфликта не ведут к преодолению или избежанию этой проблемы, а часто с точностью до наоборот проецируют конфликтность на будущее. Этот момент часто используется историками, считающими историю частью политики.

Вместе с этим, следует признать огромные сдвиги в историографии, произошедшие после 90-х гг. Много написано о конфликтах в прошлом, история Украины приобрела иной, значительно более насыщенный образ истории диалогов, свою «террито-

²⁹ Основной историк, бывший директор Архива СБУ (украинский аналог ФСБ) провозгласивший события 1943–1947 гг. украинско-польской войной Володимир В'ятрович, см. В'ятрович В. Друга польсько-українська війна 1943–1947 рр. — Київ, 2011.

³⁰ Мотика Г. Від волинської різанини до операції «Вісла». Польсько-український конфлікт 1943–1947 рр. — Київ, 2013.

³¹ В этом случае очень важным есть проект «Взаимопонимание через трудную память» о тех же волынских событиях, собиране источников не только о трагедии, но и о помощи друг другу представителей разных национальностей: *Pojednanie przez trudną pamięć Wolyń 1943*. — Lublin, 2013.

риальность», а не исключительно «национальность». Однако попытки создать новый образ истории и написать новый учебник были обречены на провал и не только вследствие политических изменений последних лет, но и прежде всего общей ситуации в образовании и науке, ее все большей депрофессионализации, регионализации, неумения найти общий язык и преодолеть конфликт между личными убеждениями и исследованием прошлого.

Современная ситуация не выглядит удручающе, но в отличие от 90-х происходит все более заметная политизация истории. Некоторые темы диктуют прямой вызов: польско-украинский конфликт на Волыни в 1943 г., участие украинского населения в уничтожении евреев и ромов во время Второй мировой войны. До этого времени известно мало надлежащих исследований по депортации и уничтожению народностей Крыма. Эти вопросы как правило не рассматриваются в среде историков как часть украинской истории, они очень политизированы и эмоциональны. И все же главное состоит в следующем — украинская историография признает наличие конфликтов, сложных и неприятных с современной точки зрения исторических событий, однако еще не научилась абстрагироваться от воюющих сторон и «не судить», а понимать исторические процессы.

Сессия II

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ
В КОНТЕКСТЕ СПОРНОЙ ИСТОРИИ**

Георг Штобер,
глава отделения «Учебники и общество»,
Институт Георга Экерта,
Брауншвейг, Германия

ШКОЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И ПЕРЕСМОТР УЧЕБНИКОВ — ОПЫТ ДИАЛОГОВ НА ТЕМУ СОВМЕСТНОЙ И РАЗДЕЛЕННОЙ ИСТОРИИ (И ГЕОГРАФИИ)

В своем выступлении я остановлюсь на диалогах между историками в контексте школьной истории.

- Я сначала рассмотрю исторические обстоятельства в школах, приведшие к пересмотру учебников;
- затем перейду к диалогам между учеными и преподавателями, стремящимися очистить школьные учебники от шовинистического содержания.
- Приведя несколько примеров, я сделаю обзор обсуждаемых вопросов и, наконец,
- рассмотрю результат с более общей точки зрения, обсудив компромисс между нарративами и различными точками зрения.

1. Школьная история

Когда историческое образование как учебный предмет развивалось под контролем государства, особенно в Европе в 19-м веке, христианская история о спасении была заменена или дополнена светским мировоззрением. Теперь нарратив структурировала уже не религия, а хронология: от античности через средневековье до нашего времени. Темы также стали брать не из Библии, но в основном из античного и «национального» или династического прошлого, которое относили к национальному достоянию учащихся. Историческое образование стало инструментом, с помощью которого развивали национальное сознание и лояльность по отношению к государству.

Учебники того времени концентрировались на истории династий, особенно на жизни знаменитых королей и героев, а также таких событиях, как войны, и на политической истории. Многие из рассказанных историй были мифами, и не только в контексте античной мифологии, но и в рассказах об истории позднейших эпох, например, о формировании нации в средние века. Авторы не всегда различали легенды и истории, путая заявления, основанные на доказательствах, с беллетристикой, оживлявшей старину.

Кроме того, акцент на военной и политической истории привел к появлению разделенной истории. «Мы» видим то же самое событие иначе, чем «они». Успех одной из сторон, как правило, совпадал с поражением другой. Те, кто для одних были героями, для других часто оказывались злодеями и предателями. Победа подавалась как важное событие, в то время как поражение могло быть преуменьшено или вообще не упоминаться.

Если, например, немецкая история придавала большое значение восстанию германских племен против римлян под командованием Арминия/Германа в 9 году нашей эры, то при взгляде на них с римской (или итальянской) точки зрения эти события на периферии Римской империи едва ли вообще были достойны упоминания. В 19-м веке в немецкой исторической традиции восстание Арминия, вождя племени херусков, который

стал римским гражданином и рыцарем, считалось рождением немецкой «нации». Надо отметить, что в современных интерпретациях это событие рассматривается в контексте процессов, проходивших в районах, пограничных между Римом и племенами. Таким образом, оно перестает иметь особенное значение. Также ставится под сомнение «этническая» природа вовлеченных в эти события групп: поскольку последователи военачальников часто были различного происхождения, ни одна современная «нация» не может претендовать на «этническую» преемственность (Geary 2002). Кстати, французы почитают своего антиримского героя, галла Верцингеторикса.

Иногда различные «нации» претендуют на одного и того же предка как на часть своего национального наследия. Например, немцы считают, что Карл Великий принадлежит немецкой истории, а французы — что французской. Он занимает высокое положение в обоих национальных нарративах. После Второй мировой войны французский историк написал о времени, когда он был маленьким ребенком:

«Я хорошо помню, как моя бабушка однажды заглянула в немецкий учебник истории для 7 класса и возмущенно закричала: «Они украли нашего Карла Великого!» Карла Великого я не знал, но я знал свою бабушку. Она была самой мягкой женщиной, какую только можно себе представить. И когда позже в школе я выучил историю Каролингов, я уже знал, что надо защищать Карла Великого от немцев, чтобы спасти его для Франции — и для моей бабушки» (Brunschwig, 1951, 32–33; перевод Кириллы Булкиной).

Таким образом, исторические нарративы ведут к спору о том, кому «принадлежат» те «исторические фигуры», которыми гордятся народы. Зловещие фигуры, напротив, если их не перекавалифицируют в героев, обычно оказываются не востребованными.

Со времени своего возникновения государственная власть — суверены, король и дворяне — позволяли развивать национальное самосознание в своих владениях, чтобы ограничивать революционные тенденции, выпущенные на волю Французской революцией, и удерживать старые династические порядки. В последующие столетия национализм развился в шовинизм, используя историю против соседей для легитимации своих национальных границ и территориальных претензий. При представлении других использовались уничижительные стереотипы; иногда их показывали как потомственных врагов. В контексте войны образы врагов прорисовывались еще более рельефно. Черно-белая стилистика подчеркивала достоинства национального «мы» и гомогенизировала, унижала и демонизировала представителей другой стороны.

Я хочу проиллюстрировать эти модели двумя примерами. Первый — описание Первой мировой войны из французского учебника 1932 года:

«Франция и Англия сделали все от них зависящее, чтобы сохранить мир. Но германский *кайзер* слушал только тех своих советников, которые хотели войны. Они заверили его, что Германия победит, если война начнется немедленно».

«Офицеры, преподаватели, журналисты говорили при каждом удобном случае, что Германия была создана, чтобы командовать другими народами» (Lavissee 1932, 248–49; перевод Кириллы Булкиной).

«Мы» — миролюбивая сторона; вина лежит только на другой стороне, на враге. И не только на правительстве, но и на всех классах населения, пропагандировавших войну и работавших на нее. На фотографиях изображены с одной стороны жертвы агрессии, задевающей даже принявших нейтралитет (Бельгия), с другой — мужественное сопротивление «наших» (французских) сил. Это общая тенденция изображения врага, хотя характер языка может быть даже еще более уничижительным.

Второй пример взят из десятилетий после Второй мировой войны. Федеративная Республика Германия не приняла территориальный исход войны. Польше, с другой стороны, необходимо было легитимизовать владение новыми территориями. Таким образом, карта в учебнике истории изображала «Область славянских поселений в первые столетия нашей эры» с западной границей, проходящей по реке Одер, и даже пересекающей ее. В 9-м и 10-м столетиях были добавлены дополнительные территории на Западе (Dowiat 1975, 240).

В аналогичных немецких картах большая часть западной границы региона расселения славян такая же. Однако, «историческая родина» славян находится восточнее, к востоку от реки Висла. Бывшие восточногерманские территории показаны как оккупированные славянами между шестым и десятым веками — после того, как германские племена прокинули их в течение периода миграции «*Völkerwanderung*» (Glogauer & Vogaus 1968). Таким образом, согласно польской карте, «германские земли к востоку от реки Одер» являются традиционными польскими/славянскими областями поселения, что легитимизирует послевоенное изменение границ, в то время как немецкая карта отвергает эти претензии: «Мы были здесь раньше».

2. Пересмотр учебников

Способ мышления, согласно которому история рассматривается с национальной точки зрения и особенно с учетом возможности ее использования для поддержки шовинистической позиции, подвергался критике уже в 19-м столетии. В начале 20-го века, особенно после Первой мировой войны, «международно ориентированные» миротворческие группы, педагогические, рабочие и женские организации противостояли утверждению военных подходов в школьных учебниках и учебном процессе. Целью стал пересмотр тех учебников, на которых лежала ответственность за посев семян ненависти в умах молодого поколения. Даже Лига Наций приняла резолюцию об этом. В то время большая часть этой деятельности была не очень успешной. Однако после Второй мировой войны эти усилия были возобновлены, частично в качестве непосредственного продолжения предыдущих дискуссий об учебниках. В Европе державы-победительницы были заинтересованы в пересмотре образования в Германии, а Германия была заинтересована в том, чтобы стать партнером для своих бывших врагов и новых союзников. Поэтому эта деятельность была поддержана не только рабочим движением и ассоциациями учителей, но и на правительственном уровне (Stöber 2013).

В связи с послевоенной обстановкой в Германии велась разносторонняя деятельность. В конце 1940-х годов и в начале 50-х годов переговоры об учебниках были начаты с Великобританией, Францией, Данией, Норвегией, Югославией, Японией — и это лишь некоторые из стран. Цель заключалась в том, чтобы ликвидировать уничижительное представление, не подтвержденные доказательствами мифы, стереотипы и т.д. из используемых учебников. Для организации этих мероприятий в Брунсвике (Брауншвейге) в 1951 году в качестве координационного центра был основан институт, а именно Международный институт учебников. Позже он стал Международным институтом исследования учебников Георга Эккерта. Он стал участвовать в большинстве международных и двусторонних мероприятий, в которых Германия выступала одним из партнеров. Организация «переговоров об учебниках» и публикация результатов стали основными видами его деятельности. Только с 1990 года сфера деятельности стала рас-

ширяться, и в настоящее время «классический пересмотр учебников» является только одним из направлений работы института.

Этот «классический» пересмотр происходил особым образом. Сначала необходимо было установить контакты между соответствующими заинтересованными организациями — например, историков и преподавателей истории; иногда на контрактной основе формировались комиссии по учебникам. На первом этапе происходил обмен учебниками. Книги вручались участникам проекта для ознакомления. Таким образом, каждый партнер знакомился с книгами другой стороны. Чтение «другой стороной» ясно проявляло аспекты, по поводу которых возникали возражения, хотя для «нас», возможно, они стали привычными от постоянного использования. Конечно, помимо знания предмета, необходимым условием было знание соответствующего языка. Отзывы обсуждались в ходе конференции на тему учебников, которая выявляла как положительные стороны, так и недостатки: фактические ошибки — например, неправильные или эмоциональные формулировки, приводившие к негативным изображениям, или противоречия в толковании событий. После обсуждения отзывы публиковались и направлялись издателю учебника для того, чтобы учесть их в последующих изданиях. В ряде случаев в отзывах было указано не только на отдельные ошибки, но и на вызывающий возражение способ представления в целом. В этих случаях, а также в конце серии переговоров об учебниках, участники издавали рекомендации по поводу того, каким образом обсуждаемые темы должны быть представлены в учебниках каждой из сторон. Иногда в последующей деятельности определенные аспекты рассматривались более внимательно, о чем также упоминалось в рекомендациях.

Примерами этих мероприятий были франко-германские переговоры об учебниках (рекомендации опубликованы в 1951 г.), немецко-польские (рекомендации опубликованы в 1976 г.) или немецко-израильские (рекомендации к учебникам 1985 года). Эта хронология указывает на важный фактор, а именно политические рамки, в которых были проведены все эти мероприятия. Сразу после Второй мировой войны были возможны контакты с такими странами, как Франция и Великобритания, новые члены НАТО и Европейского экономического сообщества. Контакт с бывшими противниками в Восточной Европе, однако, воспрепятствовала холодная война, и только с началом политики разрядки после 1970 года стали возможными контакты с Польшей. Аналогично в ситуации с Израилем: с переговорами об учебниках пришлось ждать до тех пор, пока израильтяне не оказались готовы принять представителей из страны, где случился Холокост, в качестве партнеров.

3. Проблемы и примеры

В следующем разделе я хочу привести примеры некоторых из важнейших проблем в переговорах об учебниках. Я выбрал их из немецко-польского контекста в таком виде, как это обсуждалось на конференциях 1970-х годов. Эти проблемы имеют различную природу, и средства, предлагаемые для их решения, также различны.

В первой части мы уже упоминали, что славянские народы поселились в районах к западу от реки Эльба в период раннего средневековья. Начиная с 10-го века миграция стала протекать в другом направлении. Переселенцы из немецких (германских) территорий перемещались на восток по зову как немецких (германских) правителей в период после военной оккупации, так и славянских суверенов. Нарратив немецкого учебника описывал это движение как «колонизацию Востока». Основные действующие лица

этих процессов описывались в национальных терминах — немцы и славяне — для акцентирования освоения земель и передачу «высшей» германской культуры и технологий на восток.

Эта точка зрения была подвергнута критике на конференциях об учебниках. Ошибкой называли не только постоянное пренебрежение к восточноевропейским народам во многих текстах, но и приписывание участникам событий определенной национальности. Для мигрантов, прибывших из разных частей бывшей империи франков, эти национальные категории не имеют смысла. Рекомендации для немецко-польского учебника описывают миграцию не как распространение «германской культуры» на восток, а как часть процессов развития в европейском масштабе, а именно демографического, экономического и социального подъема в Верхней Италии, Провансе и Рейнской земле. Таким образом, при осторожном использовании категорий и более широкой перспективе, можно обойтись без одностороннего и спорного нарратива. В современных немецких учебниках весь средневековый период обсуждается на общеевропейском уровне, без фокусировки на национальном. В такой истории «колонизация Востока» не играет значительной роли и вообще редко упоминается. Но это, скорее, является следствием не переговоров по поводу учебников, а необходимости сокращения программы изучения предмета при пересмотре учебного плана.

Следующий пример касается проблемы текущего момента, то есть того времени, когда проходили дискуссии по поводу учебника. После Второй мировой войны Германия не приняла ее территориального исхода, особенно потери своих восточных районов, отошедших к Польше и Советскому Союзу. В 1950-е и 1960-е годы было широко распространено намерение никогда не принимать разделение Германии на три части. Кроме того, политики Федеративной Республики Германии считали, что окончательная договоренность по территориальному вопросу может быть достигнута только в рамках мирного договора, а до тех пор немецкий «*Рейх*» существует в границах 1937 года. Немецкие министры образования и культуры приняли меры, чтобы эта позиция была отражена в учебниках. Таким образом, в школьных атласах западная часть Польши была показана как часть Германии, находившаяся, однако, «под польским административным управлением», а бывшая Восточная Пруссия — как находившаяся под польским, а затем советским административным управлением.

Эта практика была подвергнута резкой критике с польской стороны, так как она вызывала опасения, что Германия захочет пересмотреть границы польского государства. Благодаря политическому развитию стали возможны некоторые изменения. Так, в 1951 году граница между Германией и Польшей, так называемая линия «Одер-Нейсе», не была показана как международная граница. Линия из красных точек просто указывала на внутреннее разделение. В 1971 году, с наступлением политики разрядки, она уже была показана как международная граница, но оспариваемая, что изображалось пунктирной линией. И только после подписания немецко-польского договора о границе 1990 года граница была утверждена в рамках международного права и соответствующим образом представлена в атласах. В этом случае комиссия по учебникам могла обсуждать этот вопрос, но решение полностью зависело от политической сферы.

Еще одна тема, которая также была чрезвычайно политизированной, связана с картами: речь идет о названиях населенных пунктов. На немецких картах использовались, в основном, немецкие названия. В польских картах использовались польские версии, если они существовали, но при этом в скобках добавлялись локальные версии. Отно-

сительно названий на территории Польши немецкая практика, в целом, вызывала подозрения, как и в вопросе границ. Проблема, однако, имела разные измерения.

- На территории Польши перед Второй мировой войной существовали польские города, как, например, Варшава — на немецком языке *Warschau*.
- На новой польской территории были города, ранее бывшие немецкими — как, например, Бреслау — теперь Вроцлав.
- Несколько населенных пунктов с давней общей историей, где проживали как польские, так и немецкие жители, были традиционно известны как под польскими, так и под немецкими названиями (средневековая польская столица Краков/*Krakau* или города в Силезии).
- Но были также и польские населенные пункты, которые были переименованы — германизованы — в ходе немецкой оккупации во время Второй мировой войны, названия которых продолжали использоваться в Германии после войны.

Немецко-польская комиссия по учебникам предложила следующее правило: говоря о другой стране, использовать официальные названия, как это принято в международной практике. Что же касалось школ, то здесь было одобрено двуязычное представление. Немецкие названия, введенные во время оккупации, не должны были использоваться вообще. Все это относится к современному контексту. В историческом контексте, однако, немецкие названия могут быть уместными, например, в случае Бреслау, когда он был частью Германии. Эти рекомендации были учтены издателями учебников.

Кстати, в настоящее время двуязычные названия встречаются и в пределах немецких границ. Сорбское языковое меньшинство на территории Лужице использует свои топонимы, которые были официально признаны и через пару лет также отображены в школьных атласах.

Были некоторые проблемы, касавшиеся серьезных политических табу и болезненного опыта, которые порой ставили под угрозу всю работу. Упомянем наиболее серьезные из них.

Из уважения к Советскому Союзу нельзя было обсуждать ни немецко-советский договор о ненападении («пакт Гитлера-Сталина»), ни массовые убийства польских офицеров и представителей интеллигенции в Катыни и других местах в 1939 году. В массовых убийствах Советский Союз обвинял Германию; только в 1990 году советское правительство признало свою ответственность. В Польской Народной Республике обе темы были под строжайшим запретом. Соответственно, немецко-польская комиссия по учебникам также не могла упоминать их в своих рекомендациях. Попытка сделать это ставила под угрозу всю работу. Поэтому в контексте уничтожения польской интеллигенции и культуры, а также репрессий по отношению к польскому народу упоминается только нацистская оккупация. Здесь политика явно ограничила научную дискуссию и поиски сбалансированного представления темы.

После 1990 года ситуация изменилась. В новых изданиях комиссии по учебникам обсуждаются немецко-советские договоры и их общее влияние (Becher и соавторы, 2001). Однако Катынь не упоминается, несмотря на ее огромное значение в польской общественной памяти. Это тема, которая влияет на польско-русские отношения. Обсуждение ее в контексте Польши и Германии произвело бы впечатление, что немцы хотят релятивизировать свою собственную ответственность.

Была еще одна тема, даже более чувствительная и тяжелая, которая привела к развернутым общественным дискуссиям и спорам, особенно в Германии, и была в какой-то

мере под запретом в Польше. Во время войны под немецкой, но также и под советской оккупацией, большое количество поляков было выселено из своих домов; многих угнали в Германию на принудительные работы. Этнические немцы из стран Балтии, теперь входивших в советскую сферу, были переселены на оккупированные польские территории в «зачищенные» польские деревни. Когда война закончилась, восточная граница Польши была сдвинута на запад и 1,5 миллиона поляков должны были переселиться с нынешних белорусских и украинских земель на «новые польские территории». С другой стороны, немецкие беженцы переместились на Запад с наступлением Красной Армии. Тогда, после войны, немцы были изгнаны из Польши и Чехословакии. Они должны были покинуть бывшие немецкие территории, чтобы освободить пространство для польских репатриантов, и они были объявлены виновными в сотрудничестве с оккупантами. В это время даже совершенно невинным людям также пришлось столкнуться с нападениями и даже убийствами со стороны ненемецкого населения. Эта высылка стала очень болезненной темой не только для тех, кого она коснулась, но и в немецком общественном дискурсе в целом. Немцы считали себя жертвами войны, а не только виновниками. В Польше и Чехословакии, однако, собственную ответственность отрицали, а депортацию считали оправданной и законной.

Эта тема обсуждалась в ходе конференций, посвященных учебникам. Под нейтральным заголовком «Перемещение населения» рекомендации описывали эти перемещения как следствие войны и указывали на интеграцию перемещенных немцев в тогдашних немецких республиках и на тот факт, что польские переселенцы в это время обосновались на бывших восточно-немецких территориях. С польской точки зрения тот факт, что немцы были жертвами, не был признан, зато организации выселенных немцев характеризовались как «оплот ревизионизма». В Германии это вызвало протест названных организаций и их политических сторонников и отказ от рекомендаций. Немецкие участники комиссии по учебникам были хорошо осведомлены об односторонности этой рекомендации, но приняли ее для того, чтобы не ставить под угрозу весь проект. Немецкие беженцы и перемещенные лица, которые, возможно, надеялись вернуться в свои «*Heimat*», свои прежние дома, после будущего объединения Германии, увидели, что их претензии отвергнуты указанием на их интеграцию и упоминанием о том, что поляки обосновались на бывших восточно-немецких территориях. Рекомендации стали предметом парламентских дебатов и кампании в прессе.

В Польше высылка могла стать темой для обсуждения только после 1990 года. Постепенно запрет на нее был снят, и после этого ей было посвящено глубокое историческое исследование. Комиссия по учебникам рассмотрела эту тему в томе, посвященном немецко-польским отношениям в 20-м веке (Vechet и соавторы, 2001). Используя значительное число источников с разных сторон, авторы пытаются прояснить разные грани депортации, а также эмоциональные аспекты. Две связанные с этим задачи, выполнение которых является необходимой предпосылкой для преодоления разделенного прошлого, таковы: обсудить и объективизировать травмирующие моменты и воздерживаться от претензий на статус единственной жертвы.

4. Компромиссные нарративы, различные точки зрения

Темы, которые обсуждала немецко-польская комиссия по учебникам, и которые были приведены здесь в качестве примеров, покрывали широкий временной диапазон от древнего времени и раннего средневековья до нашего времени. Они были связаны с

мифами, лежащими в основе создания современных государств, конфликтными и/или по-разному интерпретируемыми отношениями в истории, и, что особенно взрывоопасно, с новейшими случаями насилия, агрессии и состояния конфронтации. Комиссия должна была найти общую базу для обсуждения, часто на более высоком, более общем или концептуальном уровне, выходящем за рамки самого события и указывающем также на аналогии.

Обобщая, скажем, что результат дискуссий об учебниках следует воспринимать как созданный на основе фактических данных, научно сформулированный «компромиссный нарратив», в котором сделана попытка представить «историческую правду». Те проблемы, которые не могли обсуждаться, потому что на них лежало политическое табу, как, например, немецко-русский договор, остаются за рамками нарратива, как и темы, которые должны быть прояснены позже, после преодоления политических ограничений. Некоторые другие решения, однако, представляли собой компромиссы, которые один из партнеров считал односторонними и не полностью отражающими «правду». Они были приняты из-за «стратегических» причин, чтобы процесс не останавливался. Что же касается некоторых других тем, которые не считались настолько важными, чтобы поставить под угрозу весь процесс, было решено допустить существование рядом двух различных нарративов, или, точнее, интерпретаций событий. В рекомендациях было указано на эти различия. Все было подкреплено доказательствами, но стороны по-разному оценивали значимость различных источников и различных аспектов.

Если рассмотреть процесс обсуждения внимательнее, то увидим, что во многих случаях речь шла не о сравнении вообще «немецкого» нарратива с «польским»; ученые стояли на разных позициях в обсуждениях — одни из них отражали общепринятый национальный взгляд на события того или иного времени, другие отклонялись от него. Так, при обсуждении принципиально важной темы о перемещенных или высланных лицах, некоторые из немецких экспертов занимали позицию, сходную с позицией их польских коллег, в отношении оценки организаций высланных лиц; другие же были более согласны с оценкой деятельности этих групп. Таким образом, «официального» нарратива Германии не было, а были различные, частично противоположные толкования. Если они подкреплены доказательствами, то их нельзя отбросить как «ненаучные», а необходимо рассматривать как различные школы научной мысли. В курсе истории, да и других предметов также, они интерпретируют прошлое, общество, развитие в пространстве и т.д. в соответствии со своими подходами и различными точками зрения. В этой аудитории каждый в полной мере осознает такое развитие академических дискурсов.

Пока немецко-польская комиссия по учебникам обсуждала и принимала свои рекомендации, в разных странах начали вводить в школьное обучение «новый подход к истории» и сравнительные методы. Называться «подлинной историей», изучаться и воспроизводиться учащимися должен не авторский нарратив. История, напротив, заключается в том, чтобы интерпретировать источники/свидетельства о прошедших событиях и устанавливать их взаимосвязи. Учащиеся должны узнать, как возникает наше видение прошлого, они должны формировать свое собственное понимание, основанное на свидетельствах, и осознавать, какую роль играет история для личности, для общества и в политике. Спорные аспекты не должны быть представлены как безоговорочные.

В этом процессе главное — признать важность различных точек зрения. Здесь необходимо различать разные уровни.

- С одной стороны, есть сам источник и есть точка зрения автора на него; среди прочего — что включается в рассмотрение и что оставляется за кадром и с какой целью. Каждый историк соответствующим образом оценивает свои источники. Некоторые основы этого должны изучить и учащиеся.
- Кроме того, существуют и другие взгляды на то же событие у современников; некоторые из них, как, например, взгляды фермеров, рабочих или домохозяек, людей «без голоса» в истории, могут не быть доступными в письменных источниках, но их не следует игнорировать как не имеющих отношения к делу.
- Кроме того, существуют взгляды на события прошлого историков прошлого — например, 19-го столетия — которые отличаются от сегодняшних интерпретаций и должны быть поняты в своем собственном контексте. Одним из примеров являются национальные интерпретации восстания Арминия, которые я уже упоминал в начале.
- И, конечно, есть сегодняшние взгляды и противоречия в научных кругах, обществе, политике и т.д.

Эти новые концепции изменили учебники истории, которые включают теперь текстовые и графические источники, карты и т.д. не только для иллюстрации, но и в качестве рабочих материалов для интерпретации их самими студентами. Авторы учебников, например, контекстуализируют источники и дают обзор развития событий, но не дают (или не должны давать) интерпретаций для обязательного изучения студентами. Это новое понимание оказало влияние и на работу комиссии по учебникам после 1990 года при использовании новой политической открытости. Вместо написания новых рекомендаций, сложный период 20-го столетия был представлен в книге с помощью короткого анализа, но с большим количеством источников для использования в школе — при этом каждая тема рассматривается в нескольких измерениях или с нескольких точек зрения. Источники должны быть интерпретированы. Если источники показывают разные картины, если интерпретации источников различаются, или эти интерпретации не четкие и оставляют возможности для различного понимания — это не является ошибкой, но указывает на тот факт, что «как это было на самом деле» имеет много граней, что установить «истинный» образ прошлого, в котором мы можем быть уверены, трудно или даже вообще невозможно. Учащиеся также должны знать это.

Литература:

1. Becher, U.A.J.; Borodziej, W & Майер, P. (ред.): Deutschland und Polen im zwanzigsten Jahrhundert. Analysen — Quellen — didaktische Hinweise. Hannover: Hahn 2001
2. Brunswig, Henri: Gedanken zu einem neuen Geschichtsunterricht. *Internationales Jahrbuch für den Geschichtsunterricht* 1 (1951), 32–37
3. Geary, Patrick J.: *Europäische Völker im frühen Mittelalter. Zur Legende vom Werden der Nationen*. 2-е издание. Frankfurt: Fischer 2002
4. Gemeinsame Deutsch-polnische Schulbuchkommission: Empfehlungen für die Schulbücher der Geschichte und Geographie in der Bundesrepublik Deutschland und in der Volksrepublik Polen. Braunschweig 1977
5. Stöber, G.: From textbook comparison to common textbooks? Changing patterns in international textbook revision. In: Korostelina, K.-V. & Lässig, S. (eds.): *History Education and Post-Conflict Reconciliation*. Abington-New-York: Routledge 2013, 26–51

Цитированные учебники:

1. Baumgärtner et al. (eds): Horizonte 3. Braunschweig: Westermann 2009
2. Brockmann, E.: Vaterländische Geschichte in Bildern. Münster: Schöningh 1905
3. Diercke Weltatlas. Braunschweig: Westermann 1951, 1971, 1991, 2008
4. Dowiat, J.: Historia dla klasy I liceum ogólnokształcącego. Warszawa: WSiP 1975
5. Eberle, E. et al.: Von ... bis. Geschichtsbuch für Realschulen in Hessen Bd. 4. Braunschweig: Schöningh 2011
6. Geschichtsbuch 4. Cornelsen: Berlin 1996
7. Glogauer, W. & Voraus, K.F.: Wir erleben die Geschichte 1. München 1968
8. Lavisse, E.: Histoire de la France. Paris : Armand Collin 1932
9. Lucas, F.J. et al.: Menschen in ihrer Zeit. 4/5 In unserer Zeit. Stuttgart: Klett 1970
10. Troux, Albert & Girard, Albert: Histoire de la France des origines à 1945. Paris: Hachette 1949

Марта Вердорфер,
член комиссии по учебникам истории,
Южный Тироль/Альто Адидже, Италия

РАЗНАЯ ПАМЯТЬ — ОДИН ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ? Проект учебника истории для различных языковых групп в Южном Тироле

Некоторые вступительные мысли

Тот факт, что я, немецкоговорящая жительница Южного Тироля, нахожусь сегодня здесь, в Крыму, для того, чтобы говорить об истории и ее роли в общении и понимании между народами, имеет для меня символическое значение.

В 1939 году Южный Тироль пережил один из самых драматических процессов 20-го века: так называемую «Опцию», предназначенную для переселения немецкоязычного населения на территории Третьего рейха.

Южный Тироль — это регион, расположенный вдоль северной границы Италии. Он был присоединен к Италии в 1920 году. Тогда он был населен преимущественно немецкоговорящими людьми, и большинство из них были за то, чтобы входить в состав Третьего рейха.

В соответствии с соглашением между Гитлером и Муссолини им дали выбор: получить немецкое гражданство и переселиться в Третий рейх, или же остаться в Италии и сохранить итальянское гражданство.

В этом контексте началось обсуждение нового места жительства для переселенцев из Южного Тироля. Были предложены несколько регионов, например, Бургундия во Франции или Бескиды в Польше. Одним из вариантов был Крым.

В июле 1942 года Гитлер сказал:

«Я считаю, что Крым очень подходит для южных тирольцев по климату и ландшафту. Это два сопоставимых региона, каждая из этих земель богата и плодородна.

Перемещение населения будет легким, людям нужно будет только плыть вниз по немецкой реке Дунай до места назначения». Такими были слова Гитлера.

Более чем 70 лет спустя я нахожусь здесь, чтобы принять участие в обсуждении того, чему история может научить нас — и это действительно особенно важно для меня.

Сегодня Южный Тироль — это регион, где проживают представители трех языковых групп: немцы, итальянцы и ладины. Права этих групп защищены весьма широкой автономией. Параллельно с вышеупомянутыми языковыми группами 8,7% населения составляют иммигранты. Эти люди приехали из 134 стран.

В последние 20 лет Южный Тироль стал мультикультурным обществом, как и почти все европейские страны.

Какую роль играет региональная история в таком контексте?

Я бы сказала, что сейчас она важнее, чем когда-либо. История Южного Тироля, несомненно, должна повысить осознание того, что национальная идентичность не является фиксированным понятием, но постоянно претерпевает изменения. Это особенно важно для молодежи.

Историческая точка зрения, которая концентрируется не на границах, а на мостах и переходах, приведет к расширению горизонта и, надеюсь, к пониманию, что проблемы не могут быть решены путем конфликтов, но только через общение.

Роль истории в послевоенный период в Южном Тироле может быть определена как «сданный в аренду политике»

После Второй мировой войны две основные языковые группы в Южном Тироле игнорировали, а отчасти даже ненавидели друг друга. Действительно, в течение предыдущих 30-ти лет немецкоговорящие южные тирольцы и итальянцы отличались друг от друга, хотя в чем-то имелось и сходство.

Третью, миноритарную, языковую группу — ладинов — по большому счету никогда не принимали во внимание из-за их малочисленности. Фактически ладинов всегда рассматривали как подгруппу в рамках немецкой языковой группы. У всех трех групп остались глубокие раны от итальянского фашизма и немецкого национал-социализма, и все три группы были склонны интерпретировать прошлое очень по-разному.

«Официальная» интерпретация немецкоязычных южных тирольцев была следующей: в течение 20 лет они слыли жертвами итальянского фашистского режима, который пытался уничтожить их культурную идентичность. Благодаря упорному сопротивлению этого не произошло.

В 1939 году, во времена «Опции», те, кто выбрал немецкое гражданство и переселение в Третий рейх, говорили, что они поступают так, потому что не хотят жить при итальянском фашистском режиме. Они утверждали, что ничего не знали о преступлениях национал-социализма. Они просто хотели быть немцами. Большинство немецкоговорящих южных тирольцев рассматривали конец войны как «поражение», в том числе и потому, что Южный Тироль должен был остаться итальянским.

Конечно, вышеприведенная версия справедлива не для всех немецкоязычных южных тирольцев. Она неприменима к так называемым «дабляйберам» — тем, кто в 1939 году решил остаться в своей стране и сохранить итальянское гражданство.

Совершенно определено она не относится к тем, кто был в национал-социалистической тюрьме или лагерях за дезертирство или оказание сопротивления режиму.

А в итальянской языковой группе были свои исторические предания. В среде италогворящих присутствовали характерные социальные и культурные различия. Среди италогворящих южных тирольцев были и те, кто прибыл еще до Первой мировой войны — они жили в деревнях к югу от Больцано; гораздо бóльшая группа итальянцев жила в городах, особенно в Больцано. Последние прибыли в 30-е годы в период фашизма.

Многие итальянцы считали, что они тоже пострадали во времена итальянского фашизма и что по сравнению с национал-социализмом итальянский фашизм был безобидным. Италогворящее население гораздо больше испытывали страх в течение тех 20 месяцев (сентябрь 1943 г. — май 1945 г.), когда Южный Тироль находился под властью национал-социалистов, чем в течение 20 лет итальянского фашистского режима. Немецкоязычные южные тирольцы солидаризовались с национал-социализмом (86% даже хотели жить в Третьем Рейхе), тогда как мы, итальянцы, сражались в «Резистенца» (движение сопротивления) и несли многочисленные потери. Хотя такое толкование было правдивым по отношению не ко всем итальянцам, именно оно доминировало в средствах массовой информации и книгах по истории. После войны разный

исторический опыт каждой группы освещался так, как того требовали интересы политического единства внутри каждой языковой группы.

Почему для каждой языковой группы было так важно продемонстрировать единство?

Я предполагаю, что для обеих сторон это был вопрос силы, и даже страха. Определенно это был для обоих вопрос о «Heimat», принадлежности к региону. Итальянцы, жившие в регионе в течение 10 или 15 лет, имевшие работу, нашедшие квартиру и основавшие семьи, пришедшие, потому что их попросили прийти, хотели остаться. Им нужна была гарантия того, что они могли бы жить и работать там в будущем. Они были меньшинством в регионе (около четверти), но в то же время они ощущали принадлежность к государственной нации.

Немецкоязычные южные тирольтцы составляли большинство в регионе (примерно три четверти), но меньшинство в Италии. И, конечно, они были обеспокоены опытом итальянского фашизма.

Еще со времени мирного договора с Италией 1946 года им было гарантировано, что их языковое и культурное наследие будут уважать и защищать.

Весна автономии и смена поколений

Политический путь к автономии Южного Тироля был нелегким, но в конечном итоге, очень успешным.

1950-е и 60-е годы проходили под знаком большой напряженности. Разочарование немецкоговорящего меньшинства тем, насколько медленно вводилась автономия, угрожало перерасти в насильственные конфликты.

Последовала серия нападений на опоры электропередач. Этими акциями нападавшие хотели обратить внимание на то, что водная энергия региона во времена фашизма использовалась для общенациональных нужд. Только резолюция ООН 1961 года, призывавшая Италию и Австрию найти мирное решение, дала политикам в Риме, Вене и Больцано необходимую поддержку для продолжения дипломатических переговоров.

Второй «Устав автономии» в 1972 году дал Южному Тиролю много новых прав. В то же время здесь, как и в остальной Европе, начался процесс экономического роста и модернизации.

Кроме того, дополнительный эффект оказала смена поколений: те, кто родился после войны, стали теперь взрослыми, воспользовавшись при этом всеми преимуществами «образовательного прорыва». Во всех бывших фашистских странах выросло новое поколение историков, критически смотревших на свое прошлое и ставивших под сомнение собственную ответственность и вину.

В Южном Тироле критический взгляд на собственную историю также стал важным шагом на пути к демократизации и плюрализации общества. Для истории Южного Тироля этот новый взгляд привел к переосмыслению концепции своей роли жертвы и к обсуждению соучастия и попустительства по отношению к немецкому и итальянскому фашизму.

Для нового поколения итальянских историков настало время столкнуться с серьезностью итальянского фашизма и присущих ему форм расизма (например, во время войны в Эфиопии).

Для историков с обеих сторон было важно:

- говорить о различиях в каждой группе, чтобы осознать социальные и политические конфликты, которыми была отмечена их история.

- услышать об опыте и воспоминаниях другой группы и принять их всерьез. Пришло время перестать сравнивать страдания других групп с собственными.

В южно-тирольском сообществе эти подходы разрабатывались с конца 70-х годов благодаря общеевропейскому процессу изменений и Новому «Уставу автономии».

Возникали различные межэтнические культурные инициативы, связанные с историческими аспектами, где последние оценивались, например, через театральные проекты. Историки также стали принимать взгляды, отличные от их собственных.

В этом процессе не обошлось без трений, и случались неудачи и препятствия, вызванные политическими обстоятельствами. Так, например, был установлен запрет на схему школьного обмена учащимися между высшими учебными заведениями для немецко- и италоговорящих. Министр образования прокомментировал это следующим образом: «Чем четче разделение, тем лучше мы понимаем друг друга». Это произошло в 1976 году.

Следующим важным этапом на пути к межэтнической интерпретации новейшей истории региона стала большая выставка 1989 года о так называемой «Опции» 1939 года.

Это положило начало сотрудничеству между немецко- и италоговорящими учреждениями и историками в Южном Тироле. Группа молодых историков из обеих языковых групп в сотрудничестве с ладинскими коллегами создали двуязычную выставку, которая была хорошо принята публикой. Ее посетили студенты обеих языковых групп.

В результате в 1992 году была основана рабочая группа «Regionalgeschichte/Storia e regione» (региональная история). В ее рамках историки различных групп впервые работали вместе в региональном и межэтническом контексте.

Одним из их основных требований было создание учреждения для региональных исследований. Это было осуществлено в прошлом году органами местного самоуправления.

Часто обсуждалась идея «Книги истории с нескольких точек зрения». В 2004 году она, наконец, получила политическую поддержку членов Партии зеленых. Они заявили: «Книга о региональной истории должна быть опубликована для того, чтобы преодолеть конфликты прошлого и развивать европейское сознание среди подростков». Кроме того, необходимо выпустить дидактический материал и поощрять сотрудничество между немецко- и италоговорящими школами в форме проектных работ на тему региональной истории.

Это предложение упоминает школы, которые в Южном Тироле строго разделены в соответствии с языковыми группами. Есть немецкоязычные и италияязычные школы, и только у латинов школьная система мультилингвальная. Школьные системы разработаны независимо друг от друга и существенно различаются, особенно в том, что касается уроков истории. Это же относится к учебникам истории: в итальянских школах используются итальянские учебники истории, которые сосредоточены на национальных темах, в старших классах немецкоязычных школ используются немецкие или австрийские книги, в которых итальянской истории отведена незначительная роль. Поэтому молодежь в Южном Тироле имеет очень разные взгляды на историю. Проведенное в 1990-х годах исследование исторических представлений подростков, относящихся к трем языковым группам, доказало этот факт.

Проект совместной книги по истории

В 2006 году органы местного самоуправления одобрили проект новой книги по истории. Осуществить проект было поручено трем педагогическим институтам региона.

Концепция книги была разработана учебными заведениями и Архивом Южного Тироля при поддержке политиков.

Какова была концепция этой книги?

- Заголовок гласит: «Übergänge und Perspektiven. Grundzüge der Landesgeschichte» («Изменения и перспективы. Основные особенности региональной истории»). В первую очередь книга должна была показать новую историческую перспективу, а уже затем – различный исторический опыт жителей этого региона.
- Книга состоит из 3-х томов. Первый том охватывает период от Древней истории до позднего средневековья. Второй том посвящен новой истории и заканчивается Первой мировой войной. Третий том охватывает период с 1918-го года и до нашего времени.

Первые два тома были опубликованы два года назад, третий том будет опубликован в ближайшие недели.

- Авторы книги — немецко- и италоговорящие историки, которые, кроме того, преподают историю. Были также ладинские соавторы, написавшие свои статьи на немецком или итальянском.
- Немецкое и итальянское издания выпущены отдельно, двуязычного издания не существует. Переводы выполнили сами авторы, а не профессиональные переводчики.
- Тексты были отредактированы профессорами истории университетов Тренто и Инсбрука, а также местной комиссией. Однако последнее слово всегда было за авторами.
- Самой большой проблемой стал, безусловно, третий том. Различия и сходства исторических нарративов в Южном Тироле касаются, главным образом, 20-го века, особенно опыта итальянского фашизма и немецкого национал-социализма.

Работа в этом проекте часто способствовала накоплению потрясающего опыта благодаря тому, что в нем участвовали многие учреждения, но одновременно это было и очень поучительно.

- В дискуссиях о выборе тем и акцентов, а также о разделении на периоды, довольно часто высказывались разные мнения. Но несмотря на это, нам, историкам, удавалось относительно быстро достичь общей точки зрения.

Тем не менее, мы все же пришли к важному выводу: у каждого из нас, относительно молодых историков, есть своя этническая основа, своя собственная, отличная от других исследовательская традиция и среда.

Кроме того, для нас было важно не сгладить все противоречия во взглядах, но сделать их видимыми, насколько это только возможно, показав все различия.

- Перевод текстов одновременно означал передачу знаний. Должна признаться, что я представляла себе этот процесс более простым, чем он оказался на самом деле. Каждый язык имеет свои пределы, и я узнала о том, что процесс перевода имеет отношение не только к соответствующей лексике и грамматике, но связан с раскрытием культурных горизонтов.

Исторические традиции основаны на концепциях, которые, по большому счету, невозможно перевести. Возьмем для примера Karfreit — Caporetto. Речь идет об одном из событий Первой мировой войны, в которых Центральные Державы 24 октября 1917 года осуществили прорыв в Karfreit/Caporetto/Karborid (12-я битва Исонцо). То, что было катастрофическим поражением для итальянцев, для австрийцев стало «чудом Karfreit».

И все же с такими очевидно различными формами памяти и исторической традиции иметь дело проще, чем открывать людям глаза на небольшие, менее очевидные различия.

- В книге, посвященной скорее социальной, чем политической истории, социальные, возрастные или гендерные различия стали более важными, чем этнические. Это, в свою очередь, привело к тому, что мы сосредотачивались на сходных моментах исторического развития трех языковых групп, а не на различиях.

Самое главное, что мы смогли доказать, что со времени окончания Второй мировой войны три языковые группы в Южном Тироле прошли путь взаимной социальной адаптации, что, в конечном счете, является доказательством успеха автономии Южного Тироля.

- В книге сделана попытка избежать детального изображения конфликта, и принять это решение авторам было непросто. Научные и политические руководители, как правило, старались вырезать фрагменты, где, как им казалось, было слишком много интерпретаций и оценок. В результате тексты вышли «гладкими» и приобрели довольно позитивный характер. Авторы книги также осознавали тот факт, что, для того чтобы проект был выполнен, необходимы компромиссы.

Эта книга не является учебником в строгом смысле слова, поскольку в ней нет никаких первоисточников с аналитическими вопросами, которые побуждали бы читателя работать над содержанием. Именно этот факт, в основном, критикуют учителя. Тем не менее, такой подход был принят из-за того, что три тома должны использоваться не только как учебники истории в школе, но и как общие справочники.

Подводя итог, я бы оценила проект по следующим направлениям:

- В нем сделана попытка дать общее видение истории. Фактом является то, что человек должен знать свою историю и историю другой стороны, чтобы разобраться в сегодняшнем дне. Это то, что оправдывает подход к написанию этой книги.
- Учитывая, что это еще не та более совершенная книга, которая могла бы появиться, это может стать стимулом для будущих проектов.

*Аднан Мусаллам,
профессор Вифлеемского университета
на Святой земле,
ведущий проекта по израильским
и палестинским историческим нарративам,
Палестина*

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СПОРНОЙ ИСТОРИИ: ПАЛЕСТИНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ

СОДЕРЖАНИЕ

- I. Введение
- II. Природа палестинского дискурса и нарратива
- III. Институт исследований проблем мира на Ближнем Востоке (Prime) и проект «Исучаем исторические нарративы друг друга: палестинцы и израильяне, 2002–2007»
- IV. Пространство возможного
- V. Заключение

Представлено на
Международной конференции проекта «Крымский политический диалог»,
пос. Песчаное,
Крым, Украина

23 марта 2013 г.

I. Введение

В 1938 году Джордж Антониус в своей известной работе «Арабское пробуждение» отметил, что «страсти, вызванные Палестиной, в значительной мере привели к сокрытию правды о том, что факты окутаны туманом эмоций, легенд и пропаганды, действующим, как дымовая завеса почти непроницаемой плотности». С другой стороны, палестинцы и арабы выглядели настолько жалкими и представляли миру свою ситуацию и свой дискурс настолько плохо, что мир, по большому счету, игнорировал их, глядя на арабо-израильский конфликт через израильские очки.

Я знаю многих людей, склонных весьма подозрительно относиться к касающимся арабско-израильского конфликта дискурсам, выражающим палестинскую, или, в меньшей степени, израильскую точку зрения, потому что каждая из сторон вязнет в бесконечных претензиях и контрпретензиях. Эти дискурсы становятся еще сложнее и выходят за рамки человеческого понимания и логики, когда «абсолютистские»/«максималистские» претензии с обеих сторон переплетаются в этом дискурсе, не оставляя таким образом никакого пространства для присутствия «другого».

II. Природа палестинского дискурса и нарратива

Под «палестинским дискурсом и нарративом» я имею в виду выражение в письменной или устной форме политических идей, выдвинутых палестинцами, начиная с последнего десятилетия 19-го века, которые, кроме того, переплетались со всеми формами нарратива, в том числе литературными, религиозными, экономическими и социальными аспектами дискурса, призванными описать ситуацию их противостояния Израилю.

Особенностью палестинского дискурса является его виктимно-ориентированный характер. Здесь я хотел бы объединить немного истории со сферой «виктимологии» и отличной работой Бенджамина Четкова-Янува «Виктимизация: затяжные конфликты и советы, как с ними справиться» (1995). Я сосредоточусь на «третьем типе жертв» — то есть на тех, «которые выражают свои чувства и полны возмущения по поводу несправедливости состояния, в котором они находятся, и чья ярость, превращенная в ненависть, может передаваться из поколения в поколение, мотивированная яростной потребностью отомстить за боль и унижение — свои личные или своей группы».

В случае палестинских арабов ярость и ненависть, ясно отраженные в дискурсе и нарративе, переходили из поколения в поколение с конца 19-го века, когда (в 1880-х годах) стали появляться сионистские политические сельскохозяйственные поселения, тесно связанные с движениями «Билу» и «Любящие Сион» и возникающие по мере распространения погромов в России.

Еврейское религиозное присутствие в Палестине существовало на протяжении веков. Как палестинцы, арабы и мусульмане, мы признаем это присутствие неотъемлемой частью истории Палестины. Но идею решить еврейский вопрос в Европе за счет палестинских арабов мы решительно отвергли. И еще более тяжелые последствия имела несправедливая Бальфурская Декларация Великобритании 1917 года, которая положила начало долгому пути превращения жертв европейской несправедливости в палачей. И была горькая ирония в том, что иностранная колониальная власть, не имевшая никакого отношения к Палестине, пообещала землю, большинство населения которой составляли арабы (90% от общей численности населения на момент первой британской официальной переписи 1922 года), европейским сионистским лидерам. В нашем примирении будет сделан большой шаг вперед, если палачи признают неправильным то, что было совершено по отношению к палестинцам в 1917 году.

Восстания палестинских арабов 1920, 1921, 1933, 1935–1939 и война 1947–1948 годов ясно отражали ярость и гнев жертвы против палачей — как британцев, так и евреев-сионистов.

Ужасающее «окончательное решение» еврейского вопроса в Европе и последовавший за ним «Холокост» породили в мировом сообществе только симпатии и поддержку планам реализации еврейского Национального Дома — государства Израиль — в 1948 году. Последовавшее в результате принудительное выселение около 750 000 палестинцев из прибрежных и других областей Палестины в ходе Палестинской войны 1948–1949 годов является неотъемлемой частью палестинского дискурса.

Палестинцы никогда не сочувствовали антиеврейским практикам европейцев, будь то в 19-м или в 20-м столетии, и не поддерживали их. И у меня нет ни малейшего сомнения, что Холокост имел место. Кстати, когда палестинцы говорят о Гитлере, они подчеркивают: мы, арабы, были следующими в очереди после евреев — имеется в виду в том случае, если бы Гитлер добился успеха в своих войнах против армий Союзников. И

в Палестине было антифашистское арабское движение во время Второй мировой войны. Кроме того, многие палестинцы служили добровольцами в вооруженных силах союзников во время войны. Но серьезных исследований ни одного из этих явлений проведено не было.

Порочный круг гнева и насилия не ослаб после Палестинской войны 1948 года и только привел к дальнейшему обострению ко времени войны 1967 года. Возникшая в результате проблема беженцев, экспроприация арабских земель и строительство сотен поселений на Западном берегу и в секторе Газа, формирование Большого Иерусалима, так называемой вечной столицы Израиля, и ограждение ее от палестинцев с 1993 года стали только благодатной почвой для террора и взрывов, осуществляемых террористами-смертниками. Недавно Нетаньяху представил карту, на которой показано, что палестинцам предусматривается вернуть лишь 40% Западного берега и Газы при окончательном урегулировании конфликта. Это только повышает доверие к абсолютистам и другим, считающим, что соглашения, достигнутые в Осло, переговоры об окончательном статусе, а также план Шарона 2005 года относительно выхода из сектора Газа в одностороннем порядке, являются лишь уловками, чтобы захватить остальные палестинские земли.

III. Институт исследований проблем мира на Ближнем Востоке (Prime) и проект «Изучение исторических нарративов друг друга: палестинцы и израильтяне, 2002–2007 гг.»

С 2002 по 2007 гг. Эяль Наве и я занимались проектом «Изучение исторических нарративов друг друга: палестинцы и израильтяне», инициированным Институтом исследований проблем мира на Ближнем Востоке (Prime) и его содиректорами, покойным профессором Дан Бар-Оном и моим коллегой доктором Сами Адваном. Эяль и я выступали в качестве консультантов (Эяль — по израильской истории, а я — по палестинской). Весь проект с двумя нарративами на арабском и иврите и вступительным словом Дан Бар-Она и Сами Адвана был опубликован на обоих языках институтом PRIME в ноябре 2009 года. Мы работали независимо от наших университетов. Палестинцы и израильские коллеги и университеты не вели никакой работы в режиме диалога с 2000 года — ну разве что, возможно, в исследовательских проектах через посредников.

Как Эяль, так и я работали непосредственно с преподавателями высших учебных заведений над разработкой отдельного нарратива для каждой группы, включая следующие периоды:

1. Декларация Бальфура 2 ноября 1917 г.
2. 1920-е годы
3. 1930-е и 1940-е годы
4. Война 1948 года
5. 1950-е и 1960-е годы
6. Война 1967 года
7. 1970-е и 1980-е годы
8. Палестинское восстание в декабре 1987 г.
9. 1990-е годы

В проекте приняли участие двадцать четыре палестинских и израильских преподавателя, в том числе путем чтения соответствующих курсов своим студентам, что, как предполагалось, должно было стать конечным результатом всего проекта.

В то же время мы провели много летних часов, работая над нарративами вместе с Институтом Георга Эккерта (Брауншвейг, Германия). И я должен сказать, что это был как познавательный, так и увлекательный опыт работы с нашими немецкими коллегами и другими иностранными специалистами в Институте. Но в ходе совместной работы над нашими отдельными нарративами, я мог чувствовать, что нарратив второй стороны вызывает беспокойство, недоверие и гнев — ведь политические обстоятельства всего этого периода (равно как и других) давали достаточно поводов для недоверия и гнева.

Сентябрьские 1993 года соглашения в Осло привели к взаимному признанию ООП и Израиля. Наш народ думал, что эти соглашения принесут мир. Люди тысячами выходили на улицы, празднуя наступление мира.

Но у соглашений в Осло было много врагов с обеих сторон: среди израильтян это были Нетаньяху, Шарон и поселенцы на Западном берегу, а среди палестинцев — ХА-МАС, сторонники джихада и радикальные группы ООП. Радикальные правые в Израиле сумели осуществить убийство харизматического премьер-министра Рабина, а палестинские противники соглашений в Осло осуществляли теракты-самоубийства.

С другой стороны, асимметричные отношения между палестинцами и израильтянами, вследствие которых палестинская политика, экономика, границы, воздушное и водное пространство оставались под полным контролем Израиля, никоим образом не способствовали разрешению конфликта, а способствовали только маргинализации умеренных и получению дополнительного импульса радикалами.

К 1999 году, когда должны были состояться переговоры об окончательном статусе, включающем Иерусалим, колониальные поселения, беженцев и водное пространство и определяющем таким образом окончательные границы палестинского государства, только 30% соглашений Осло были реализованы. Переговоры об окончательном статусе остаются незавершенными до сих пор.

IV. Пространство возможного

Вспомним август 1967 года, когда в Хартуме, два месяца спустя после июньской войны, состоялся саммит-конференция лидеров государств Арабской Лиги, где восемь глав арабских держав сформулировали арабский консенсус следующим образом:

НИКАКОГО мира с Израилем
НИКАКОГО признания Израиля
НИКАКИХ переговоров с Израилем

С течением времени, однако, подходы изменились, и перспективы арабо-израильского примирения улучшились.

22 ноября 1967 года была принята Резолюция Совета Безопасности ООН № 242, которая закладывала основы формулы «земля в обмен на мир». В ней подчеркивалась «неприемлемость приобретения территории путем войны», а также необходимость работать для утверждения «справедливого и прочного мира, в котором каждое государство региона может жить в безопасности». Она призывала к выводу израильских вооруженных сил с «территорий» (англоязычная версия) или «этих территорий» (франкоязыч-

ная версия). Правомочность этой резолюции была подтверждена в октябре 1973 года резолюцией Совета Безопасности № 338. С обеими этими резолюциями согласились Израиль, Египет, Сирия и Иордания. Палестинцы согласились с ними, в числе других резолюций ООН, в рамках палестинской мирной инициативы в ноябре — декабре 1988 года. С того времени формула «земля в обмен на мир» стала основой всех мирных инициатив, включая принятые в Мадриде и Осло, а также «Дорожную карту».

15 ноября 1988 года палестинские парламентарии — члены Палестинского национального совета (ПНС) в диаспоре — обратились к Израилю с историческим мирным посланием. Однозначно отойдя от Национальной хартии 1968 года, в которой содержался призыв к вооруженной борьбе за освобождение всей Палестины, Палестинский Национальный Совет (ПНС) заявил, что «несмотря на историческую несправедливость по отношению к арабскому народу Палестины, которая привела к его рассеянию и лишению его права на самоопределение после резолюции № 181, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1947 году и разделившей Палестину на два государства — арабское и еврейское, именно эта резолюция, тем не менее, все еще обеспечивает условия международной законности, гарантирующей право арабского народа Палестины на суверенитет. Таким образом, палестинцы впервые, прямо и косвенно, признали двугосударственное разрешение арабско-израильского конфликта, при котором сохранялись бы два государства, право Израиля на существование в границах 1949 года (до 4 июня), что составляет 77,6 процента исторической территории Палестины, в то время как для самого палестинского государства на Западном берегу, в секторе Газа и арабском Восточном Иерусалиме оставалось бы 22,4 процента. Израиль не отреагировал положительно на палестинскую мирную инициативу, и возможность для примирения была потеряна. Легитимность борьбы палестинцев за свою государственность получила дальнейшее международное признание в резолюции Совета Безопасности ООН № 1397 от марта 2002 года, принятой единогласно членами Совета и поддержавшей идею палестинского государства и двугосударственного решения.

В конце марта 2002 года на фоне палестино-израильского противостояния и кровопролития и через 35 лет после знаменитых постулатов-отрицаний Конференции на высшем уровне в Хартуме в августе 1967 года, в Бейруте состоялась встреча глав держав Лиги арабских государств, на которой была единогласно принята панарабская мирная инициатива наследного принца Саудовской Аравии Абдаллы, которая максимально соответствовала формуле «Мир в обмен на землю». Эта панарабская мирная инициатива подтверждалась ежегодно на арабских конференциях на высшем уровне с марта 2003 по апрель 2010 года и в 2012 году. И теперь, впервые за более чем 54 года войн и вражды с арабским миром, Израиль имеет беспрецедентную возможность устранить преграды в отношениях со всем арабским миром. В этой мирной инициативе арабские лидеры просили Израиль: 1) возвратиться к границам 1949 года (до 4 июня 1967 г.) и уйти со всех оккупированных арабских земель, 2) признать жизнеспособное суверенное палестинское государство с арабским Восточным Иерусалимом в качестве его столицы, и 3) справедливо решить проблемы палестинских беженцев с учетом резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 194. А взамен арабские страны признают Израиль и нормализуют отношения с ним. Тем не менее, правительство Шарона выразило свое несогласие с этой инициативой в состоящих из 14 пунктов оговорах, добавленных к согласию принять Дорожную карту. Пан-арабская мирная инициатива была включена (частично) в заключительный этап Дорожной карты, согласно которой стороны достигают окон-

чательного и всеобъемлющего мира на основе резолюций №№ 242, 338 и 1397. На заключительном этапе арабские страны установят в полном объеме нормальные отношения с Израилем.

Некоторые утверждают, что Дорожная карта — это мертворожденная инициатива, что следует из многочисленных обострений, имевших место со времени принятия Дорожной карты в 2002 году. Окончательные или промежуточные сроки реализации плана — 2003, 2004 и 2005 гг. — уже прошли, и в первой его части не было достигнуто никакого прогресса, несмотря на проведение конференций на высшем уровне в Аль-Акаба в июне 2003 г. и в Шарм-Эль-Шейхе в феврале 2005 г. Тем не менее, Дорожная карта является единственной инициативой, которую поддерживают США, ООН, Европейский Союз и Россия (квартет). В отличие от процесса Осло, который представлял собой двустороннее соглашение о взаимном признании между Израилем и ООП, в Дорожную карту, в конечном счете, будут вовлечены также Сирия, Ливан и остальные страны арабского мира.

Дорожная карта представляет собой «основанный на ходе выполнения и ориентированный на достижение целей план, с четкими фазами, сроками, целевыми датами и вехами, направленный на прогресс через встречные шаги двух сторон в политической безопасности, экономике, гуманитарной сфере и сфере институционального строительства под эгидой квартета. Конечной целью является окончательное и всеобъемлющее урегулирование палестино-израильского конфликта к 2005 году».

Цель Дорожной карты — появление «независимого, демократического и жизнеспособного палестинского государства, живущего бок о бок в мире и безопасности с Израилем и другими соседями».

Тем временем, палестинское институциональное строительство в соответствии с Фазой I Дорожной карты происходит с ноября 2004 года. Израиль должен выдвинуть жизнеспособную мирную инициативу и ответить отказом от поселений в оккупированном Восточном Иерусалиме, а также на Западном берегу и в секторе Газа и поэтапным выходом из палестинских территорий, оккупированных с 28 сентября 2000 года. Это будет первым шагом в мерах по укреплению доверия в соответствии с Фазой I Дорожной карты.

V. Заключение

Негативных аспектов процесса Осло, где палестинцы вели переговоры с израильтянами сами по себе, что привело к их изоляции от многих арабских стран, также удастся избежать, так как пан-арабская инициатива — это инициатива коллективная. С другой стороны, Израиль может сделать многое, чтобы палестинцы перестали чувствовать безысходность. Например, проблема освобождения заключенных является, пожалуй, одним из самых заметных асимметричных аспектов отношений, поскольку Израиль удерживает тысячи палестинских политзаключенных, в то время как палестинцы не удерживают ни одного. Палестинские заключенные в глазах своего народа — воины и борцы за свободу. И поскольку эта проблема затрагивает тысячи палестинских семей, освобождение из тюрем является главным приоритетом для Абу Мазена и всех палестинских фракций. В качестве меры по укреплению доверия Израиль может сделать очень многое, начав процесс освобождения этих пяти тысяч заключенных, и особенно многолетних палестинских заключенных, которые оказались в тюрьме еще до принятия соглашений в Осло в сентябре 1993 года. И я твердо верю, что массовое освобождение

ние заключенных окажет значительное влияние на поддержание устойчивого спокойствия и прекращения огня. Палестинское требование об освобождении заключенных вытекает из насущной необходимости, чтобы палестинское общественное мнение одобрило процесс примирения, тем самым помогая президенту Аббасу продолжать движение на пути к примирению с израильтянами при полной поддержке народных масс.

Односторонние асимметричные отношения, как можно охарактеризовать израильско-палестинские отношения с 1993 года, представляют собой ситуацию «победа или поражение», то есть ситуацию нездоровую, как видно из тех ужасных страданий, которые она приносит как палестинским, так и израильским мирным гражданам. Здесь необходимы симметричные отношения «победа-победа», которые дадут израильтянам и палестинцам, равно как и всем арабам, чувство взаимного доверия и уверенности в гораздо более многообещающем будущем для них, их детей и их потомков. Мир никогда не настанет в случае, если Израиль будет настаивать на том, чтобы иметь одновременно и мир, и землю, не обращая при этом внимания на проблемы беженцев. Ему придется выбирать между владением 77,6% исторических земель Палестины (в границах 4-го июня за исключением Западного берега, арабского Восточного Иерусалима и сектора Газа) в сочетании с урегулированием и миром, как это предлагается Лигой арабских государств и панарабской мирной инициативой от марта 2002 года, или же 90% исторических земель Палестины (за исключением палестинских городов / гетто), что принесит и будет приносить с собой междоусобные войны и несчастья — как палестинцам, так и израильтянам.

Эйал Нехев,
*профессор, университета Тель-Авива,
старший научный сотрудник
Института Демократии Израиля,
руководитель проекта по политическому образованию,
ведущий проекта по израильским
и палестинским историческим нарративам,
Израиль*

«УСПЕШНЫЙ ПРОВАЛ» — ПОПЫТКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДВОЙНОГО НАРРАТИВА В ИЗРАИЛЬСКО-ПАЛЕСТИНСКОМ УЧЕБНИКЕ

В этой статье я хотел бы обсудить и проанализировать совместный проект израильских и палестинских ученых и педагогов. Целью этого проекта является написание совместного учебника для студентов старшей школы (15–18 лет), который содержал бы два отдельных нарратива: израильский и палестинский. Он базируется на попытке использования двух нарративов, потому что в условиях неурегулированного и продолжающегося конфликта между двумя сторонами невозможно создать общий нарратив.

Нам известны многие попытки написать интегрированные учебники истории в постконфликтных ситуациях. Это касается, например, Франции и Германии, Польши и Германии, Южной Африки, Англии и Ирландии и т.д., но, к сожалению, мы находимся в ином положении. Поэтому решили написать книгу в ситуации конфликта между двумя сторонами в надежде, что сама попытка участия в таком процессе также поможет снизить уровень враждебности и будет способствовать взаимному признанию и толерантности. Мы настаиваем на том, чтобы каждая сторона представила свой рассказ для того, чтобы другая сторона могла, как минимум, ознакомиться с ним. Надеемся, что уже само знание того, что другая сторона имеет свой собственный исторический нарратив, проложит дорогу к взаимному признанию.

Мы обсудили и инициировали идею такого проекта в дни подписания соглашений в Осло, полные надежды вместе со всеми, что два национальных сообщества близки к установлению новой базы для будущего взаимного признания и мирного сосуществования. К сожалению, эти надежды оказались преждевременными, и, когда проект стартовал, соглашения, достигнутые в Осло, были погребены, насилие вспыхнуло с новой силой, а перспективы мира выглядели очень далекими. Тем не менее, несмотря на трудности, мы решили запустить этот проект, который, начиная с 2001 года, остается «плывущим против течения».

История и контекст проекта

Проект инициировала организация PRIME — Институт исследования проблем мира на Ближнем Востоке, неправительственная организация, базирующаяся в Бейт-Джалла. Институт получал финансирование в соответствии с договором «Уай-Ривер» от 1998 года, направленным на поддержку деятельности, которая бы способствовала достижению мира. Коллектив института, возглавляемый двумя профессорами — одним израильским и одним палестинским — решил взять на себя трудную задачу исто-

рического образования и написать новый учебник истории, касающийся арабо-израильского конфликта. Историческое образование — непростая проблема как в Израиле, так и в Палестине. Израильское правительство утверждает, что палестинские учебники наполнены подстрекательством против самого существования государства Израиль и несут посылы ненависти и отвращения к евреям. Палестинцы утверждают, что в израильских учебниках их изображают только как террористов.

Итак, были сформированы два коллектива историков — израильский и палестинский. Каждый из коллективов состоял из шести преподавателей высших учебных заведений во главе с профессором истории. Когда состоялась первая встреча (в начале 2001 года), соглашения, достигнутые в Осло, были полностью разрушены и атмосфера, царившая в отношениях между двумя нациями, ухудшилась до состояния насилия и агрессии. Таким образом, весь проект стартовал и продолжился при неблагоприятных обстоятельствах и вопреки всем шансам на успех. В этом смысле выглядит почти чудом тот факт, что два коллектива смогли встретиться и даже создать некий печатный продукт.

Большинство встреч проходили в гостинице «Нью Имperial», принадлежащей палестинцам и расположенной в Восточном Иерусалиме на стене Старого Города. Большинству палестинцев, проживающих на оккупированных территориях вне Восточного Иерусалима, запрещен въезд в Восточный Иерусалим и, чтобы попасть туда нужны специальные разрешения. Но даже при наличии этих разрешений им приходилось проходить через контрольно-пропускные пункты и часами стоять в очереди, чтобы переместиться из одного места в другое. В результате некоторые из встреч состоялись в Бейт-Джалла — месте расположения института, между Иерусалимом и Вифлеемом. В этом случае уже израильтяне испытывали сложности с приездом, поскольку израильским гражданам официально не разрешено въезжать на эти территории без специального разрешения. Более того, члены семей израильских преподавателей боялись отпустить их на территории, подконтрольные палестинским властям.

Каждая встреча требовала полноценного логистического обеспечения. Некоторые из встреч были отменены в последний момент, а те из них, которые состоялись в Восточном Иерусалиме или Бейт-Джалла, в ряде случаев проходили при неполном составе участников каждого из коллективов. Однако с помощью международных организаций, особенно Института Международного исследования учебников имени Георга Эккерта в Брауншвейге (Германия), группа смогла несколько раз собраться за пределами региона на недельные семинары. Пятидневная встреча состоялась в Турции, а в Германии участники собирались трижды на целую неделю. Эти встречи были эффективны в плане создания материала и обмена идеями с другими экспертами из различных европейских стран.

Работа развивалась в соответствии со следующей структурой:

1. Каждая группа была разделена на три пары преподавателей, работавших над конкретной проблемой и писавших нарратив своей нации.
2. Нарратив затем переводился на язык другой стороны для чтения и рассмотрения.
3. Пара израильских преподавателей и пара палестинских преподавателей, работавших над одной и той же темой, встречались затем в двунациональной маленькой группе из четырех человек, чтобы обсудить изложенное друг другом и высказать свое мнение. Каждая из сторон могла попытаться убедить другую из-

менить ее нарратив, но не имела права принуждать ее к этому. Единственным требованием было то, что каждый нарратив обязан был избегать тональности подстрекательства по отношению к другой стороне. Впрочем, соблюсти это требование было не всегда просто.

4. После того как обе группы завершали взаимное рассмотрение и обсуждение, каждая из них пересматривала свой нарратив и отсылала окончательную версию на перевод и печать. Эти двунациональные дискуссии, в которых время от времени участвовали наблюдатели из других стран в качестве фасилитаторов, оказали влияние на финальный вариант учебника в плане смягчения враждебного тона и в целом уменьшения количества взаимных обвинений.
5. Каждый из преподавателей опробовал тему, которой он занимался, на своих студентах, используя буклет, в котором были помещены рядом два нарратива — израильский и палестинский.
6. После обучения студентов предмету, преподаватель докладывал всей группе об их реакции, и только затем переходил к следующей теме.

После шести лет дискуссий, написания текстов и приобретения опыта в аудиториях, группа к концу 2006 года смогла выпустить три буклета.

Первый из них, вышедший в 2002 году и широко распространяемый в учебных заведениях, был опубликован на иврите, арабском и английском. Были сделаны также французский и итальянский переводы, тоже получившие широкое распространение. Этот буклет содержал три темы: Декларация Бальфура и ранний сионизм (1917–1922); война 1948 года («война за независимость» в израильском нарративе и *El Nakba* — «Катастрофа» — в палестинском); и, наконец, первая «Интифада» 1987–89 гг. Второй буклет был выпущен в 2005 году на иврите и арабском и переведен на английский годом позже. Этот буклет также содержал три темы: 1920-е, 1930-е–1940-е, и война 1967 года. Третий буклет вышел в 2008 году. Он касался следующих трех периодов: 1950-е — 1960-е, 1970-е — 1980-е и 1990-е — 2000.

После того как все три части были завершены, их объединили в один учебник на тему столетнего израильско-палестинского конфликта. В нем были размещены рядом два нарратива. Эта книга была опубликована в 2009 году на иврите и арабском. Теперь она переведена также на английский. К книге будет прилагаться инструкция для преподавателя, размещенная в том числе и на интернет-сайте. Мы ожидаем дальнейшей финансовой поддержки и при ее получении планируем в ближайшие годы открыть семинар для подготовки преподавателей, целью которого будет обучить преподавателей различных дисциплин (палестинцев и израильтян), как использовать эту книгу в своих курсах.

Концепция, структура и основные идеи книги

С профессиональной и академической точек зрения, совершенно оправданным подходом сегодня считается рассмотрение определенного события с разных сторон. Поэтому описание одного и того же исторического периода или одного и того же исторического события в двух нарративах является частью современной академической тенденции. Однако вопрос о том, стоит ли применять такой подход в системе образования, все еще остается открытым.

Некоторые педагоги могут утверждать, что подобный «метод многих точек зрения» может запутать молодого студента, не имеющего достаточно зрелости и знаний, чтобы

воспринять более чем одно ясное и целостное изложение предмета. Более того, в конфликтной ситуации выглядит почти контрпродуктивным учить молодых людей нарративу их врага. Это может посеять сомнение и неуверенность относительно собственной национальной исторической правоты и национальной идентичности.

С другой стороны, среди специалистов есть те, кто утверждает, что ребенок с самого рождения открыт для множества нарративов и жизненных историй. Поэтому нарративы представителей различных позиций хорошо укладываются в такой опыт, делая обучение истории адекватным, открытым и стимулирующим. Такой подход соответствует экзистенциальному состоянию человека и должен быть внедрен в каждом сообществе, верящем в демократию и плюрализм. Они критикуют традиционный подход, представляющий только одну историческую «правду», как искусственный, грубый и не соответствующий человеческому опыту, что делает многие уроки истории нудными и изнурительными для большинства учащихся.

Тем не менее, большинство учебников, представляющих различные точки зрения, подают детали исторического события со всей возможной тщательностью и характеризуют его как неоспоримый исторический факт. Учебник приводит множество интерпретаций этого исторического факта и точек зрения на него. Студенты сталкиваются с этим множеством точек зрения и вовлекаются в диалог с событиями. Иногда студентам предлагают выработать собственную точку зрения; иногда они критикуют взгляды других и тем самым вовлекаются в процесс чтения и переформулировки динамического нарратива, адекватного и значимого для их конкретных обстоятельств. Следовательно, базовые документы и основные факты являются только сырьем для исторической информации; интерпретации и взгляды современников составляют следующий слой знаний; а студенческие интерпретации и рефлексивный подход дополняют эффективный, значимый и конструктивный процесс обучения.

Однако в случае с продолжающимся израильско-палестинским конфликтом, было, к сожалению, невозможно даже прийти к согласию относительно неоспоримых исторических и «объективных» событий, которые могли бы стать совместной почвой для различных интерпретаций. Поэтому мы решили предложить каждой из преподавательских групп написать собственную версию национальной истории. Два историка — руководители групп — предоставляли академические знания, но не настаивали на позитивистском подходе, который подчеркивал историческую правду одной стороны и развенчивал другую как предубежденную пропаганду. Они работали как фасилитаторы для своей национальной группы и давали преподавателям профессиональную основу, но не вмешивались в процесс написания нарратива другой национальной группой.

Следует однако отметить, что уровень критического исторического исследования и профессиональных знаний в Израиле намного более открыт и развит по сравнению с Палестиной. Эта разница проявилась и в преподавательских нарративах. Так как уровень исторической грамотности двух сообществ различный, что не позволяло опираться на общее знание как почву для различных точек зрения, пришлось отказаться от варианта совместного нарратива с различными точками зрения.

С политической точки зрения ситуация выглядит еще хуже. Израиль — оккупант, а Палестина находится под израильской оккупацией. В отличие от Франции и Германии, которые являются двумя суверенными государствами, живущими в мире под эгидой Европейского Союза, и оглядываются в прошлое, чтобы осознать спорные моменты истории, Израиль и Палестина до сих пор находятся в разгаре вооруженного конфлик-

та, который затрагивает жизнь каждого человека в обеих странах. Палестинцы испытывают страдания под оккупацией Израиля, который контролирует их жизнь и лишает их национального самоопределения и фундаментальных гуманитарных потребностей. Израиль не оккупирован, но страдает (в меньшей степени) от жестоких ударов по его населению.

Учитывая все это, мы решили, что каждая из двух наций нуждается в собственном нарративе как основе для своей коллективной идентичности, и на этом этапе конфликта они не в состоянии выработать совместный нарратив. Проект предлагает каждой группе преподавателей написать свой собственный нарратив и представить рядом с другим в общей книге. Скромная цель проекта заключается в том, что студенты обеих наций поймут, что у другой стороны есть собственная версия, которая по-иному рассматривает исторические события. Один согласованный нарратив невозможен в ситуации, когда конфликт в разгаре. Два нарратива без подстрекательства и взаимных оскорблений кажутся максимумом, которого мы можем стремиться достигнуть. Мы считаем взаимное уважение сторон, каждая из которых имеет свою правомочную версию истории, первым шагом на пути к примирению. Однако если мы пойдем дальше этого шага и включим версию другой стороны в совместный нарратив, мы будем выглядеть жалко и неадекватно в глазах соответствующих национальных сообществ, которые, в целом, все еще рассматривают другую сторону как врага.

Такой подход означал, что студенты должны были ознакомиться с двумя историями — палестинской и израильской. Каждая страница разделена надвое: на одной стороне страницы напечатан израильский нарратив, а на другой — палестинский. Посередине было оставлено пустое пространство, предназначенное для преподавателей и студентов, чтобы они на занятиях записывали туда свои реакции и комментарии относительно обоих текстов.

Примеры текстов

Несмотря на то, что различные главы будущей книги были посвящены одним и тем же темам, терминология, тон повествования, а также некоторые конкретные моменты двух нарративов очень разнились между собой.

Одной из самых серьезных трудностей, которые необходимо было преодолеть, оказалась терминология, и дискуссии между группами лишь частично смогли сгладить различия в подходах. Например, израильтяне использовали термин «араб израильской земли» по отношению к нееврейскому населению, жившему на этой земле до создания государства Израиль. Палестинцев этот термин оскорблял, и после нескольких встреч израильтяне согласились употреблять термин «палестинцы» и в своем нарративе. Говоря о территории, палестинцы называли ее Палестиной, а упоминая Израиль, они использовали такие термины, как «Сионистское образование» или «так называемый Израиль». Ситуация изменилась после того, как израильтяне выразили возмущение и заявили, что стороны должны, как минимум, признавать существование друг друга. Палестинцы называли все места проживания израильтян «поселениями» и не проводили различия между местностями в пределах границ «зеленой линии» и оккупированными территориями.

Военные силы каждой из сторон определялись по-разному. Палестинцы называли израильских борцов за независимость «израильскими бандами». Израильтяне называли палестинских борцов «арабскими бандами». Обе стороны предприняли попытку во-

обще избежать термина «банды» в тексте, касающемся событий 1948 г. Тем не менее, только израильский нарратив избежал термина «банды» и употребил термин «вооруженные силы». В палестинской версии израильские силы так и были характеризованы как «банды». Обе стороны приняли использование различных терминов при обсуждении войны 1948 года. Израильцы использовали термин «Война за независимость», а палестинцы — «Катастрофа».

Когда речь шла о более свежих событиях, как, например, нынешние акты насилия, каждая сторона определяла деятельность противоположной как «акт террора», и ни один из участников не согласился принять более мягкий термин. Итальянский наблюдатель предложил описывать акты насилия конкретным термином, соответствующим действительному событию — палестинские подрывники-смертники, убившие людей в израильском автобусе, или израильский воздушный налет, убивший мирных жителей в палестинском городе — без использования термина «терроризм». Обе стороны ответили, что они пока не могут на это согласиться.

Само собой, по-разному были описаны специфические проблемы, как, например, природа сионизма, Холокост, беженцы или массовые убийства, совершенные одной стороной по отношению к другой. Израильская группа описала сионистское движение как аутентичное еврейское национальное движение, возникшее из потребности прекратить страдания евреев в диаспоре. Палестинцы описали его как форму европейской колонизации. Ни одна из сторон не смогла убедить другую в возможности соединить эти определения. Таким образом, сионистское движение было представлено как национальное возрождение и освободительное движение в израильском нарративе и как империалистическое вторжение в палестинском нарративе. Обе стороны утверждали, что, когда студенты прочитают эти два различных нарратива, они столкнутся с трудностями принятия противоположного определения. Но надеются, однако, что, хотя бы с помощью преподавателей, они поймут разницу и осознают, как сложно достичь примирения в этом конкретном вопросе.

Холокост был описан в израильском нарративе как катастрофа, в определенной степени укрепившая позицию сионизма, что евреям нужна своя собственная родина для защиты своего коллективного существования. Палестинцы, с одной стороны, высказали глубокое сожаление о судьбе евреев во время Холокоста, но подчеркнули, что не они совершили это преступление против евреев, но они единственные, кто расплатился за него. Обе стороны подошли к этому вопросу деликатно и не использовали Холокост как инструмент для оправдания своей позиции и отрицания правомочности противоположной. В отличие от политиков, которые часто используют эту тему для отрицания позиции оппонентов, педагоги воздержались от использования термина «расистский» при описании другой стороны и избежали сравнения с жертвами Холокоста, когда акцентировали внимание на своих бедах.

Проблема палестинских беженцев была охарактеризована в израильских нарративах как трагический, но неизбежный результат войны, разразившейся вследствие отказа палестинских лидеров принять патрицианский план, согласно которому страна должна быть поделена на два государства. Она возникла из добровольной эвакуации арабского населения, а также из насильственного выселения при специфических обстоятельствах. Согласно палестинскому нарративу, проблема беженцев является непосредственным следствием осознанной и предварительно спланированной политики перемещения, направленной на очищение этих земель от их коренного населения. Эту

политику осуществляли израильские вооруженные силы во время войны и даже по ее окончании. В ходе обсуждения с коллегами палестинцы отказались критически взглянуть на роль своих лидеров, в то время как израильтяне согласились с фактом, что многие беженцы были выселены израильскими вооруженными силами, которые выиграли войну, начатую другой стороной.

Каждая из сторон по-прежнему представляла себя в определенных исторических событиях как невинную жертву. Израильтяне рассказывали историю массового убийства евреев в таких местах, как Хеврон и Иерусалим, а палестинцы акцентировали внимание на многих случаях массовых убийств, например, в Дир-Ясин или Кфар Касем. В ходе дискуссий группы решили смягчить тональность и максимально избежать детализированных описаний ужасов. Тональность виктимизации все еще сильно чувствуется у палестинцев по очевидной причине: они все еще остаются проигравшей стороной, без собственного государства и под оккупацией. Тональность израильтян гораздо менее виктимно-ориентирована, поскольку они сильны и достаточно защищены, чтобы смотреть на свое прошлое иначе, нежели просто с точки зрения жертвы.

В общем в нарратив израильтян была введена критическая интерпретация их исторического нарратива, основанная на находках нового поколения историков, которые критически осмысливают различные исторические события. Палестинская сторона не пошла так далеко в своем развитии, и их нарратив почти полностью лишен самокритичности. Различная тональность виктимизации свидетельствует о несбалансированной и асимметричной ситуации, в которой находятся обе стороны.

Опыт занятий в аудиториях и официальная реакция.

Первый и второй буклеты были представлены студенческим аудиториям весьма спорадическим образом. Обычно это была инициатива преподавателей, написавших главу, чтобы опробовать ее на занятиях.

С израильской стороны преподаватели получили неформальное и неофициальное разрешение своего руководства на использование материала в чем-то вроде факультативных занятий. Результаты были обнадеживающие: студентам, в целом, понравился подход двойного нарратива и многие из них высоко оценили тот факт, что они впервые прочитали историческую версию другой стороны. Некоторые из них отметили, что они изменили свое мнение и стали более сочувствующими и толерантными по отношению к палестинцам. Другие, по их утверждению, лучше поняли точку зрения противоположной стороны, но не изменили своих принципиальных взглядов. Некоторые были недовольны несбалансированным историческим подходом и подчеркивали, что, в то время как израильская сторона информативна, аналитична и открыта к сложности исторических событий, палестинская сторона является эмоциональной, односторонней и чересчур акцентирующей виктимизацию.

С палестинской стороны большинство преподавателей не могли проверить материал на своих занятиях, поскольку их директора не могли позволить им сделать это без официального разрешения. Поэтому двое преподавателей провели домашние занятия с группой студентов, где обучали данному материалу на добровольной основе. Результаты оказались неоднозначными: некоторые студенты высказывали сомнение в том, что они должны изучать нарратив врага, который оккупировал их страну. В то же время другие с интересом участвовали в эксперименте. Они выражали чувство вражды больше по отношению к символам и рисункам, чем по отношению к содержанию: в черно-

вом варианте буклета каждый нарратив был символически обозначен национальным флагом, но палестинские студенты отказывались использовать буклет, на каждой странице которого был изображен израильский флаг. В результате, из печатной версии буклета изображения флагов были исключены, а вместо них использовались прописные заголовки.

В Израиле проект не получил официального одобрения и фактически оказался противоречащим позиции министерства образования. Чтобы избежать официальных преград, проект осуществлялся без широкой огласки. Однако независимый журналист узнал о нем и опубликовал большую статью в местном журнале. После этого чиновники из министерства образования объявили, что использовать буклет на занятиях категорически воспрещается. Официальным указом преподаватели и их директора были предупреждены, что они будут уволены в случае, если продолжат использование буклета. Инспектор исторического образования вызвал преподавателей, участвовавших в проекте, в свой офис, и приказал прекратить использование данного материала в учебных заведениях. Таким образом, для продолжения проверки и оценки материала в израильской государственной системе образования необходимо официальное разрешение, получение которого маловероятно при нынешнем правительстве. Однако многие общественные организации высказали большой интерес к проекту и приветствовали подход в целом. Образовательные организации, курсы повышения квалификации педагогов и исследовательские институты по всей стране просили предоставить им этот материал для использования и, в основном, одобрили подход двух нарративов.

В Палестине не было какой-либо официальной реакции, и палестинские участники проекта предпочли не предавать публичной огласке их усилия до того времени, пока они не достигнут финального результата.

Подводя итог, можно сказать, что проект двух нарративов был новаторской попыткой, которая столкнулась со всеми возможными видами трудностей. Самим участникам для продолжения работы пришлось преодолевать персональные предубеждения и групповые кризисы. Психологические процессы, через которые прошел каждый участник группы, выходят за рамки данной работы и заслуживают отдельной статьи. Пропасть между восторженным откликом международной общественности и невозможностью использовать этот материал в Израиле и Палестине приводит к разочарованию и апатии. Тяжелые двунациональные дискуссии и ограниченность возможности получения результатов вызвали некоторую неудовлетворенность.

Однако, несмотря на эти препятствия и трудности, проект продвигается вперед, и его участники энергично и решительно настроены продолжать и совершенствовать процесс, ориентированный на создание конечного продукта. Но вместе с тем он ставит перед собой цель внедрить совершенно новый подход к историческому обучению в ситуации конфликта между двумя сторонами. Он также представляет собой попытку неправительственных организаций бросить вызов национальной образовательной политике и предложить общественную альтернативу государственной системе образования. Мы считаем, что в ситуации конфликта, когда государственная система образования не в состоянии достичь какого бы то ни было примирения, наш долг как граждан наших стран и членов наших сообществ — использовать профессиональные экспертные возможности, чтобы на смену атмосфере войны пришла атмосфера примирения и взаимного признания. Эта вера стимулирует нас продолжать наши усилия, расширять и развивать проект двух нарративов. Как было отмечено выше, мы уже объединили бу-

клеты в одну книгу, которая была напечатана на иврите, арабском и английском. Мы собираемся расширить инструкцию для преподавателей и инициировать программы обучения педагогов и студенческие семинары. Мы ввели подход двух нарративов в курсы истории Образовательного Колледжа Кибуцим, крупнейшего колледжа обучения педагогов в Израиле. Мы также использовали наш материал во внеклассных занятиях с группой отобранных студентов высшей школы. Мы надеемся, что такой подход диалога и примирения по отношению к нашему трагическому прошлому поможет сократить, а возможно даже предотвратить будущие трагедии.

Сессия III

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ И МЕДИЙНЫЕ
ИНИЦИАТИВЫ В КОНТЕКСТАХ СПОРНОЙ
ИСТОРИИ КОНФЛИКТА**

Георгий Анчабадзе,
университет им. Ильи Чавчавадзе,
Тбилиси, Грузия

МОЙ ОПЫТ «ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ» В ГРУЗИНО-АБХАЗСКОМ КОНФЛИКТЕ

Историческая тема — важная составляющая часть этнотерриториальных конфликтов. В идеологическом противоборстве стороны нередко обращаются к истории, затрагивая вопросы как напрямую связанные с причинами и следствием этнополитических столкновений, так и имеющие к ним весьма отдаленное отношение. От этого, разумеется, в первую очередь, страдает историческая правда, так как в информационной войне она становится заложником и жертвой политических целей.

Грузино-абхазский конфликт не представляет исключения из этого ряда. Этнические противоречия тут стали накапливаться с конца XIX и начала XX в. Конфронтация долго развивалась в латентной форме, и по мере нагнетания обстановки с той и другой стороны начались попытки пересмотра существующих взглядов об истории и происхождении абхазов, характере исторических грузино-абхазских связей.

В этом плане особо надо отметить появление в середине XX в. так называемой теории Ингороквы. Ее автор, грузинский литературовед П.И. Ингороква, опубликовал труд, в котором без опоры на научные доказательства объявил абхазов относительно недавними (с XVII в.) пришельцами на территорию Абхазии, будто бы заселенную до того исключительно грузинскими племенами. Этим тезисом Ингороква попытался перечеркнуть практически все, что к тому времени считалось установленным в истории Абхазии, включая построения ведущих грузинских историков (И.А. Джавахишвили, С.Н. Джанашиа и др.).

Хотя позиция Ингороквы еще в 1950-х гг. была основательно раскритикована грузинскими и абхазскими учеными (Н.А. Бердзенишвили, К.В. Ломтатидзе, З.В. Анчабадзе, Х.С. Бгажба и др.), и никто из грузинских историков не выступил в ее защиту, среди части грузинской интеллигенции, особенно не специализирующейся в сфере истории и языкознания, она приобрела определенную популярность. Пожалуй именно после публикации книги Ингороквы история стала предметом нагнетания страстей в грузино-абхазских отношениях. Не случайно в протестных выступлениях абхазов в 1956, 1967 и 1978 гг. четко прослеживалась тема истории.

История грузино-абхазских взаимоотношений значима для меня не только как для историка-кавказоведа. Я родился в городе Тбилиси в семье с абхазо-грузинскими корнями. Мой род — один из древних в Абхазии, игравший значительную роль в общественно-политической жизни края вплоть до XX века; да и позднее мой дед и отец, обладавшие авторитетом как среди полиэтнического населения Абхазии, так и в столице Грузии — Тбилиси, продолжали вносить свой вклад в дело сохранения традиционных грузино-абхазских отношений.

Однако в целом XX век — это период постепенного отчуждения и роста напряженности между грузинами и абхазами, приведший эти два некогда действительно братских народа к кровопролитной войне 1992–1993 гг. Даже еще когда советская власть была сильна (в 50–70-х гг.), грузино-абхазские взаимоотношения порой принимали ха-

рактер открытой конфронтации. Отмечу, что мой отец, доктор исторических наук, профессор Зураб Вианорович Анчабадзе, многое делал тогда, чтобы ситуация не обострилась до предела.

Проживая преимущественно в Тбилиси, я долго не понимал всю серьезность накопившихся в Абхазии проблем, хотя был достаточно информирован о них. Впервые непосредственно столкнуться с одним из аспектов назревающего кризиса мне пришлось в 1984 г. Речь идет о проблемах истории, которая на Кавказе в зонах межэтнической напряженности является основным способом идеологического противоборства на ранних стадиях конфликта. Полемика обычно ведется о том, какой народ является аборигенным на данной территории, кто тут имеет больше исторических прав и т.д.

Забегая вперед, отмечу, что «исторический сектор» информационных войн еще активнее заработал после окончания боевых действий в Абхазии. Так, некоторые абхазские авторы объявили грузинское царство XI–XIII вв. (эпоха так называемого «Золотого века» феодальной Грузии) абхазским государством. Один из них на страницах своей книги даже утверждает, что «...объединенное грузинское государство, о котором не знает ни один средневековый источник», выдумка грузинских историков. Такое, мягко говоря, странное заявление, как нельзя лучше иллюстрирует степень познаний его автора в исторических источниках.

Современная грузинская историография, со своей стороны, продолжает уделять большое внимание задаче доказать древность и повсеместность распространения грузинских этнических элементов в Абхазии; вопреки историческим источникам отвергается факт существования феодальной абхазской народности, а отсюда делается вывод, что абхазы никогда не были государствообразующим этносом. Фактически отрицается и творческое начало в абхазской среде (тезис о том, что *все* историко-архитектурные памятники на территории Абхазии созданы предками грузин), замалчивается их ведущая роль в создании Абхазского царства, а также вклад в историю единого грузинского государства. В общем, оспаривается все, что абхазы считают знаковым в своей истории. При этом, учитывая, что Абхазия после 1993 г. фактически вышла из политико-информационного пространства Грузии, главным адресатом этих сообщений становится грузинская общественность. Ввиду своей недвусмысленности и легкодоступности эти взгляды широко распространяются среди населения и создают у многих людей превратные представления об абхазах и их истории.

Спрашивается, для чего это? Разве в интересах Грузии, чтобы ее граждане пребывали в заблуждении? Самообман не является источником моральной силы, а ложные воззрения не могут мобилизовать общество для решения позитивных задач. Но они могут помешать принятию верных решений, когда власти всерьез задумаются о компромиссных путях разрешения проблемы.

Что делать в этих условиях? Существует мнение (в основном, среди не историков), что надо отстраниться от истории; не писать и не касаться исторических тем. Но мне кажется, этот путь не продуктивен. Разрешение конфликта — конечная цель миротворческого процесса — требует уважения к исторической правде. Ее нельзя замалчивать и ею нельзя манипулировать.

Поэтому я считаю, что в данной ситуации самое правильное — снизить накал риторики, освободить научную мысль от предвзятых мнений, а широкой аудитории, интересующейся вопросами истории, предлагать взвешенную, правдивую информацию.

Последнее особенно важно для таких регионов как Кавказ, где история — очень значительный фактор.

Первый опыт. Мой отец, который занимал пост ректора Абхазского государственного университета, умер в 1984 г. Незадолго до смерти он закончил работу над рукописью первого учебного пособия по истории Абхазии, которую он писал в соавторстве с двумя другими видными учеными старшего поколения — Г.А. Дзидзария и А.Э. Куправа. Однако когда встал вопрос издания учебника, несколько грузинских историков обратились в соответствующие инстанции (тогда еще все решала советская номенклатура) с требованием ревизии его основных положений. Это дало повод и некоторым сравнительно молодым абхазским ученым выдвинуть подобные требования, хотя их претензии к книге диаметрально отличались от замечаний тбилисских коллег. Такая двойная атака в тех условиях вообще могла привести к запрету на публикацию книги, чего, видимо, и добивались определенные силы, если бы не желание тогдашнего министра образования Грузии Д.И. Чхиквишвили, ведомство которого курировало издание учебников, помочь выпутаться из создавшегося положения. Для уточнения спорных вопросов была создана специальная смешанная грузино-абхазская редакционная коллегия во главе с академиком А.М. Апакидзе. Ввиду того, что основные замечания с обеих сторон (причем взаимоисключающего характера) касались разделов, написанных З. Анчабадзе (древний период и средние века), было решено ввести в состав редколлегии также и меня, по тогдашним меркам еще молодого ученого, сотрудника Института истории АН Грузии.

Могу заявить, что основная работа по редактированию и защите позиций автора была проделана мною, хотя без поддержки со стороны остальных членов редколлегии (особенно А. Апакидзе), а также доброжелательной позиции президента АН Грузии Е.К. Харадзе, книга, вероятно, не вышла бы в свет. В течение двух лет я возил рукопись учебника из Тбилиси в Сухуми и обратно, всюду отстаивая авторский вариант. При этом получалось, что с грузинскими учеными я полемизирую как абхазец, а с абхазскими — как грузин. Я защищал позицию Зураба Анчабадзе не потому, что он был мой отец или его позиция являлась вынужденным компромиссом — своего рода «золотой серединой» между крайностями, а потому, что как историк верил в ее научную обоснованность.

После многочисленных совещаний и бурных дебатов, проходивших под контролем партийных чиновников, опасавшихся, что историческая тема снова не стала катализатором массовых выступлений в Абхазии, учебник наконец-то был издан¹. При этом практически целиком удалось сохранить его первоначальный вид, все основные положения. Остается добавить, что после публикации книга уже не вызывала нареканий.

Я отмечаю эпизод с учебником истории Абхазии потому, что это был мой первый опыт в «народной дипломатии», хотя, разумеется, мне тогда не приходила мысль это так квалифицировать. За эти два года я, к моему сожалению, убедился, что отчуждение между определенными кругами грузинской и абхазской интеллигенции зашло довольно далеко. Среди широких слоев населения этого еще не было, но импульсы, исходившие от интеллектуальной элиты, не могли не оказывать влияние на все общество в целом. Эта отчужденность рождала взаимное недоверие и подозрительность, вызы-

¹ З.В. Анчабадзе, Г.А. Дзидзария, А.Э. Куправа. История Абхазии. Изд. «Алашара», Сухуми, 1986.

вавшие порой неадекватную реакцию. Общась и работая с обеими сторонами в обстановке, которую можно охарактеризовать как этнический конфликт в латентном состоянии, я приобретал опыт поиска взаимоприемлемых решений по согласованию спорных, конфликтногенных вопросов.

Успеху моей миссии в немалой степени способствовали мои двусторонние связи. В маленькой Абхазии многие внимательно следили за перипетиями нашего учебника, и моя позиция в глазах большинства заслужила одобрение. В то время я начал работать по совместительству в Абхазском университете. Один раз в году, приезжая в Сухуми на целый месяц, я читал студентам лекции по военной истории и исторической географии, которые сам внес в учебную программу. Таким путем я сохранял живую связь с Абхазией, которая могла оборваться после кончины отца. Многонациональный коллектив университета хорошо принял меня. Мои связи с общественностью Абхазии ширились и крепились.

На волне перестройки. В 1985 г. в СССР наступила эпоха «перестройки», разрушившей это государство. В Грузии перемены начались в 1987–1988 гг., когда деятельность полулегальных и немногочисленных национально-правозащитных групп переросла в широкое национальное движение. Я был среди тех, кто в это время присоединился к нему.

Я разделял основные стремления грузинского движения о восстановлении независимости страны. Главное, что вызывало мою озабоченность, это неизбежное в таком случае ослабление связей с народами Северного Кавказа. Кроме того, я понимал, что грузинское национальное движение обязательно должно протянуть руку абхазскому народу, чтобы общими усилиями преодолеть негативное наследие уходящей эпохи. Свою основную роль в национальном движении я видел в том, чтобы в меру своих сил и возможностей способствовать грузино-абхазскому сближению. Я сознавал, что этот процесс может иметь только двусторонний характер и для его начала необходимо провести большую подготовительную работу. Бывая в Сухуми и встречаясь с представителями абхазской интеллигенции и молодежи, я рассказывал о целях и задачах грузинского движения, которое поначалу действительно не имело выраженной антиабхазской направленности. В Тбилиси же я выступал на собраниях участников национального движения («неформалов», как их тогда называли) и рассказывал, кто такие абхазы, каков их язык, какую роль сыграли они в истории Грузии. Подробно говорил о махаджирстве (массовом выселении абхазов в Османскую империю в XIX в.) и его демографических последствиях для Абхазии, сообщал о фактах национальной дискриминации абхазов в середине XX в.

Для большинства слушателей все это было внове, и они внимательно слушали меня, задавали вопросы. Многие потом подходили ко мне и просили выступить также в их ВУЗе или трудовом коллективе. Конечно, среди присутствующих попадались и те, кому не нравилось то, что я говорю, однако не обладая знаниями, они не могли дискутировать со мной и ограничивались репликами и брюзжанием. Обычно их заставляли умолкнуть другие присутствующие.

Межнациональная ситуация резко обострилась в марте 1989 г., когда в абхазском селе Лыхны многолюдный сход, организованный активистами новосозданного абхазского народного движения, выставил требование о повышении статуса Абхазии до уровня союзной республики. Эта декларативная акция, показавшая, что абхазы хотят

выйти из состава Грузии, вызвала в грузинском обществе взрыв негодования. Высказывались опасения, что готовится отторжение Абхазии от Грузии. В грузинском национальном движении отношение к абхазам, бывшее до того, в целом, нейтральным, стало резко меняться в худшую сторону. Начались митинги и собрания, на которых возмущенные ораторы требовали упразднения абхазской автономии. Широко стала пропагандироваться теория Ингороквы, делались заявления, оскорбляющие национальное достоинство абхазского народа.

Последующие месяцы — период крайней радикализации общественного мнения в Грузии, в отдельных случаях выливавшийся в настоящий психоз. В обыденном сознании абхазов и грузин быстро формировался «образ врага».

В этой обстановке я старался способствовать завязке грузино-абхазского диалога. При моем содействии и участии в Тбилиси и Сухуми состоялось несколько встреч между лидерами грузинских и абхазских общественно-политических структур. Я был единственным представителем грузинского движения, кто открыто ходил на митинги абхазов и был вхож в штаб-квартиру Народного форума Абхазии. В то же время и в Тбилиси, и в Сухуми, я продолжал выступать перед широкой аудиторией на тему истории Абхазии и грузино-абхазских отношений. Эта тема давно вызывала напряженный интерес, обострившийся с началом открытого конфликта в 1989 г. Однако дело осложнялось тем, что сразу же появились историки, а также люди, не имеющие прямого отношения к науке, которые распространяли другие версии истории, далекие от действительности, но служащие целям информационной войны. Такая заведомо неполноценная информация, тем не менее, была более доступна восприятию массового (неподготовленного) слушателя, создавая благоприятную почву для распространения радикальных политических идей.

Несмотря на частоту устных публичных выступлений, я долго воздерживался от печатных публикаций на абхазскую тему, руководствуясь принципом экологической валидности. Мои первые статьи появились только в 1991 г., но начал я не с оценок текущих событий, а с изложения исторических фактов. В тот период в грузинских СМИ абхазов необоснованно обвиняли в стремлении обрусеть и играть роль инструмента в российской политике, направленной против Грузии, причем во вред самим себе. Я надеялся, что публикации на тему освободительной борьбы абхазского народа в XIX столетии хоть у кого-нибудь развеют эти заблуждения и помогут непредубежденному читателю разобраться в правде. Так появилась на свет моя статья «Абхазская хроника XIX века (Из истории утверждения русского владычества в Абхазии)»². За ней последовали статьи в первом томе энциклопедии «Сакартвело» («Грузия») об абхазских восстаниях 20-х и 40-х гг. XIX века.

На фоне войны и конфликтов. После военного переворота в Тбилиси в начале 1992 г. в составе небольшой группы представителей политического класса Грузии я был направлен новым руководством страны в Сухуми «наводить мосты» с лидерами автономной республики. Визит был крайне интересный, но, к сожалению, по нашему возвращению домой грузинские власти не придали должного значение абхазским предложениям. Вскоре отношения между Тбилиси и Сухуми покатались по наклонной плоскости, через несколько месяцев вылившись в войну.

² См.: Газета «Свободная Грузия» от 2, 3, 6 августа 1991 г. (№№ 141, 142, 143). — Повторная публикация в кн: «Вопросы грузино-абхазских взаимоотношений». Ч. I. Тбилиси, 2006.

К тому времени я постепенно отошел от политики (в прямом значении этого термина), но с общественных позиций продолжал распространять свои взгляды на грузино-абхазские отношения. В июле 1992 г. у меня появилась возможность широко использовать телеэкран для претворения в жизнь своих идей. Дело в том, что режиссер грузинского телевидения Тина Шония предложила мне сотрудничество в подготовке серии передач про Абхазию. Я согласился, так как ее отношение к абхазскому вопросу было близко моему. Мы задумали создать телевизионный клуб, который должен был помочь грузинскому телезрителю более или менее разобраться в прошлом и настоящем Абхазии. В передачах клуба мы собирались познакомить его с историей и культурой края, его природными достопримечательностями. Планировались встречи и беседы с представителями научной и творческой интеллигенции, лидерами политических группировок, наконец, просто с сухумскими горожанами и крестьянами окрестных селений. Мы надеялись также, что доброжелательный дух передач окажет позитивное влияние и на настроенность абхазов, привыкших за последние три года получать о себе из Тбилиси только негативную информацию. Свой клуб мы назвали старинным женским именем «Гурандухт». Так звали абхазскую царевну, мать первого царя объединенной Грузии Баграта III (X в.).

Съемки первой передачи клуба происходили в Тбилиси и Сухуми. Был отснят большой материал. Целая неделя ушла на монтаж, который был закончен к вечеру 13 августа, и открытие клуба «Гурандухт» уже было внесено в предварительную программу передач грузинского телевидения на следующую неделю. Но 14 августа 1992 г. разразилось событие, которого я опасался более всего, и о недопустимости которого я многих и много раз предупреждал. В этот день войска грузинского правительства вошли на территорию Абхазии и, как следовало ожидать, встретили противодействие. Уже в первый день операции появились убитые и раненые. В грузинских СМИ господствовала воинственная риторика и убежденность в скорой победе. В таких условиях руководство телевидения сочло нецелесообразным показ нашей передачи, и ее отменили. Телевизионный клуб «Гурандухт» так и не появился на телеэкранах.

В годы Абхазской войны я продолжал выступать в Тбилиси на тему «Грузия-Абхазия», хотя это происходило реже, чем в предыдущий период. Страна увязла в тяжелых конфликтах со всеми вытекающими последствиями, и уже не было той востребованности информации, как прежде. Отмечу только конференцию в Тбилисском государственном университете, организованную «Кавказским домом» и немецким Фондом Генриха Бёлля в сентябре 1992 г. Там я говорил о предпосылках возникновения грузино-абхазского конфликта. Часть присутствующих неоднозначно восприняла новую для них информацию (например то, что абхазы далеко не всегда составляли меньшинство на территории Абхазии), но многие, особенно знавшие меня лично (а таких в зале было немало) морально поддержали мое выступление. Это значило, что они доверяют моим словам.

Выступая на абхазскую тему в той непростой обстановке, я, в первую очередь, говорил для тех, кто хотел узнать правду. Пишу об этом не потому, что выставляю себя единственным носителем истины. Человек всегда субъективен в той или иной мере. Но важно, чтобы ученый был честен в первую очередь перед самым собой, и предлагал общественности исторически корректную информацию.

Встречи в рамках «народной дипломатии». Напряженный интерес грузинской общественности к абхазам я вполне почувствовал во второй половине 90-х гг., когда

при содействии международных организаций между представителями гражданского общества Грузии и Абхазии начались регулярные встречи в рамках неформальной дипломатии. Я несколько лет принимал активное участие в этом движении и хорошо помню, что вначале, пока будущие партнеры еще не были близко знакомы, между ними существовала как бы невидимая стена. Скванность была особенно заметна у грузин, многие из которых впервые видели перед собой абхазов и мало что знали об их культуре и истории. Зато во время перерывов и по вечерам всегда находились желающие поговорить со мной об истории и культуре Абхазии. Иногда такие беседы затягивались до трех-четырех часов утра. Однако на следующий день разговор на эту тему начинался заново. Впрочем, так было только на первых встречах. После того как грузины поближе познакомились с абхазскими партнерами, и у них установились определенные отношения, первоначальный общий интерес к истории Абхазии (но не к встречам) постепенно угас.

Из международных миротворческих организаций, с которыми мне пришлось сотрудничать, особо хочу отметить британскую «Международную тревогу» (International Alert), с которой я тесно связан с 1998 г. и проект Калифорнийского университета (Ирвайн), профессор которой госпожа Пола Гарб в течении ряда лет (с 1999 г.) возглавляла постоянно действующую грузино-абхазскую конференцию. Результатом конференции явилась серия книг под общим названием «Аспекты грузино-абхазского конфликта», в которой грузинские и абхазские ученые, эксперты и аналитики пишут о зарождении, развитии и возможных путях решения этого конфликта. Именно в книгах этой серии появились мои первые статьи исторического содержания, напрямую связанные с мотивами грузино-абхазского конфликта.

В настоящее время сборники на тему грузино-абхазских отношений выходят также под эгидой «Международной тревоги», деятельность которой носит более разносторонний характер. Так, при содействии этой организации в мае 2003 г. в Москве состоялась первая (и пока единственная) встреча грузинских и абхазских историков после войны 92–93 гг. Я был непосредственным инициатором и организатором встречи. Абхазскую группу возглавлял кандидат исторических наук А. Габелия. Всего во встрече участвовали по пять человек с грузинской и абхазской стороны, не считая наших партнеров из «Международной тревоги» и Форума неправительственных организаций Кавказа. Историки обсуждали проблемы грузино-абхазских отношений на современном этапе, причины конфликта и перспективы развития ситуации; говорили также о роли и возможностях ученых в гражданском миростроительстве. В опубликованном после встречи пресс-релизе отмечается: «Несмотря на остродискуссионный характер затронутых вопросов, встреча носила конструктивный характер, стороны констатировали, что начавшийся диалог ученых должен иметь продолжение в расширенном формате». Информация о встрече историков была представлена в грузинских и абхазских СМИ.

Книги, статьи, интервью. В начале 2000-х гг. я уже много писал на тему истории Абхазии, проблемах предотвращения насилия и поддержания отношений в грузино-абхазском конфликте (conflict management). В определенной степени я стал востребован в грузинских средствах массовой информации. Выступал по телевидению, радио, перед «живой» аудиторией, давал интервью печатным СМИ. Значительная часть этих выступлений была по-прежнему связана с историей Абхазии. Грузинские СМИ, как и общественность в целом, особенно интересовалась такими вопросами, как происхождение абхазского на-

рода, проблема его автохтонности, история Абхазского царства, происхождение абхазской царской династии и княжеских фамилий, возникновение Абхазского католикосата, история округа Самурзакано (Южная Абхазия) и самурзаканцев, носителей смешанных абхазо-грузинских (мегрельских) традиций и др. Впоследствии часть этих материалов (статьи, интервью и пр.) с помощью «Международной тревоги» была опубликована в двух книгах — «Вопросы грузино-абхазских взаимоотношений», изданных в Тбилиси в 2006 (книга I) и 2011 (книга II) годах. Мои книги и статьи распространялись как в Грузии, так и в Абхазии. И здесь, и там их можно найти в основных библиотеках.

Параллельные лекции в Сухуми и Тбилиси. Хочу особо остановиться на своем опыте педагогической работы в высшей школе. Как уже было сказано, перед войной в Абхазии я по совместительству работал в Абхазском государственном университете. После начала военных действий эта работа, естественно, прервалась. Однако, находясь в Абхазии в 1999 г. вместе с госпожой Гарб и двумя другими коллегами, я получил эксклюзивное предложение от представителей университета возобновить у них чтение лекций. Я согласился, и с тех пор (с небольшим перерывом) 1–2 раза в году езжу в Абхазию. В Абхазском университете я возобновил преподавание своего предмета — «Историческая география Абхазии». Кроме того, читал специальные обзорные курсы: «Абхазия и Кавказская война» и «История Османской империи».

Ввиду того, что я работаю также в тбилисских ВУЗах, я, таким образом, получил опыт преподавания истории одновременно по обе стороны политического водораздела. История абхазского и грузинского народов тесно переплетена. Поэтому получилось так, что зачастую я рассказывал студентам одно и то же. У меня бывают встречи с группами грузинской и абхазской молодежи и вне стен высшей школы. Так, например, запомнились встречи в Сухумском Доме юношества, а также в культурно-благотворительном центре «Мир без насилия» имени Зураба Ачба, видного абхазского политика и общественного деятеля, преждевременная смерть которого — тяжелая утрата для Абхазии и всех нас, кто знал его близко.

Были многочисленные встречи-беседы с грузинской молодежью в Тбилиси: это и ребята, вовлеченные в грузино-абхазский молодежный диалог, и представители молодежных организаций политических партий, а также студенты и учащиеся различных учебных заведений. У грузинских ребят искренний интерес к Абхазии, ее истории и культуре. Непременно задают вопрос: современные абхазы — пришлые в Абхазии или автохтонный народ? Абхазская молодежь не столь интересуется историей Грузии, и их вопросы ограничиваются, преимущественно, историей Абхазии. Однако так получалось, что, в целом, и там, и здесь, я излагал один и тот же нарратив, рассказывал об истории Абхазии, аспектах грузино-абхазских отношений и так далее.

На основании опыта этих лекций и бесед, у меня сложилось впечатление, что практически не существует темы, которой нельзя коснуться в разговоре с молодежью, если хорошо знать материал и излагать его непредубежденно. Разумеется, при этом немало важно и отношение аудитории к лектору, вера в его квалификацию и знания. За эти годы я не помню случая, чтобы кто-нибудь из молодежной аудитории открыто выразил недоверие к моим словам, хотя многие из них, возможно, впервые слышали такие суждения. Молодые более открыты и толерантны к неординарному мнению. Трудно сказать, какой из факторов имеет тут ключевое значение — возрастные особенности или то, что наша современная молодежь выросла в иной идейно-политической атмосфере?

Учебник истории. Хочу также сказать о школьном учебнике. В учебниках по истории Грузии, выпускавшихся в 1990-х — начале 2000-х гг., в отличие от учебной литературы советского периода, явно чувствовалось влияние тезисов Ингороквы. Однако в учебниках, изданных в рамках новой учебной программы (вступила в силу в 2005 г.) практически этого уже нет. Это вызвано не переменой в подходах современной грузинской историографии к рассматриваемому вопросу, о чем свидетельствует, например, работа большой группы авторов — «Очерки из истории Грузии, Абхазия с древнейших времен до наших дней» (Тбилиси, 2007 г.), написанная в духе той же теории Ингороквы, а позицией Национального центра учебных планов и оценки при Министерстве образования и науки Грузии, который в соответствии с рекомендациями Евросовета при составлении новых учебников четко советовал избегать моментов, способных внести напряженность в межнациональные отношения.

Я принял участие в написании учебника для девятого класса по истории Грузии (первое издание в 2008 г.). Эта книга — плод работы авторского коллектива, созданного при издательстве «Логос Пресс». Учебник освещает события с глубокой древности до наших дней.³ В него вошли даже такие недавние относительно момента публикации события, как политический кризис и разгон оппозиционного митинга в ноябре 2007 г., а также президентские выборы в январе 2008 г. В ходе работы над учебником встал вопрос, как изложить факты грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. Полагаю, было бы неправильно обойти молчанием этот вопрос или только ограничиться официальной версией ввода войск в Абхазию (защита транспортных магистралей), как делают авторы других современных грузинских учебников. Последствия войны по сей день активно обсуждаются в грузинском обществе. Учащаяся молодежь ежедневно сталкивается с упоминанием о тех событиях в теле- и радиопередачах, на страницах газет. Поэтому она вправе знать хотя бы в общих чертах, как все происходило. В то же время в школьном учебнике непозволительны материалы, возбуждающие злобу и межнациональную рознь. Надо воздерживаться от собственных оценок и передавать только чистые факты, дополняя нарратив соответствующими документальными источниками. Материал надо передавать в нейтральном тоне, простым, понятным языком. Это особенно касается таких тем, которые интерпретируются неоднозначно.

Я предложил коллегам свой вариант видения темы и получил от них согласие. Таким образом, впервые на страницах грузинского школьного учебника появилось изложение основных фактов самого болезненного события в истории грузино-абхазских взаимоотношений — войны 1992–1993 гг. Надо заметить, что вначале в «желтой» прессе, охотящейся за скандальными материалами, была попытка критики некоторых положений учебника, в том числе и раздела, в котором описаны события Абхазской войны, но критика не получила продолжения. После распространения учебника в школах никаких нареканий не поступало. Наш учебник использовался в школах в течение четырех лет, причем не только в учебных заведениях с грузинским языком обучения, но также и с русским, армянским и азербайджанским (Министерство образования Грузии организует перевод на соответствующие языки и издание учебной литературы).

³ Г.Анчабадзе, Г.Гамкрелидзе, З.Кикнадзе, М.Сургуладзе, Д.Швелидзе. С участием Л.Берая и Е.Сумбаташвили. История Грузии. IX класс. Рекомендовано Национальным центром учебных программ и оценки. Изд. «Логос Пресс». Тбилиси, 2008.

«Архивы без границ». Наконец, хочу рассказать о проекте, направленном на частичное восстановление фондов Абхазского государственного архива, сгоревшего во время войны⁴. В пожаре погибло свыше 95% документов постоянного хранения. Абхазия осталась без огромного массива исторических источников, содержащего уникальные материалы XIX — первой половины XX века.

Ввиду того, что в грузинских архивах и других древлехранилищах имеется огромное количество документов, содержащих разнообразные сведения об Абхазии и абхазах, начиная со средних веков и до современности, уже на первых послевоенных грузино-абхазских встречах, проходивших при содействии международных представителей, поднимался вопрос о копировании и передаче этих материалов абхазской стороне. Однако эта идея долго не была реализована по различным причинам, в том числе и технического характера: источники истории Абхазии разбросаны по разным архивам и фондам Грузии, и чтобы их выявить, собрать и классифицировать, требуется определенная подготовка и, разумеется, труд. Только в 2010 году по проекту, поддержанному посольством Великобритании, удалось скопировать в электронном виде около 2 тысяч страниц письменных документов и передать абхазскому государственному архиву. Работа по отбору документов при этом была выполнена мною при помощи сотрудников Национального архива Грузии. Презентация проекта в Абхазии прошла успешно и была подробно освещена в абхазских СМИ.

Второй более масштабный проект — как по количеству скопированных документов, так и поставленным задачам — был осуществлен в 2011–2012 гг. Работали втроем (Г.Анчабадзе, М.Пагава, П.Закарейшвили) в контакте с Посольством Республики Чехия в Грузии, при финансовой поддержке COBERM (совместной программы Евросоюза и Программы Развития ООН). На этот раз отсканировали около 8000 страниц письменных документов XIX–XX вв., а также оцифровали кино-, фото- и аудиоматериалы, отображающие общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь Абхазии конца XIX в. и первой половины XX в.

Второе направление проекта включало меры по институциональной поддержке грузинских и абхазских архивов.

* * *

Подытоживая все вышесказанное, можно с уверенностью заключить, что «историографическая» тема, которую многие обозреватели считают конфликтогенным фактором, имеет и значительные миротворческие возможности. Все зависит от того, как и с какой целью используется этот потенциал.

⁴ По словам очевидцев, поджог абхазского архива в октябре 1992 г. осуществили члены одного из грузинских вооруженных формирований, однако грузинское правительство до сих пор не признало этого факта.

Михаил Калужский,
Александра Поливанова,
авторы театрального проекта,
Москва, Россия

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТЕАТР И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ. ОПЫТ ПРОЕКТА «ВТОРОЙ АКТ. ВНУКИ»

Три года назад я поставил спектакль по книге израильского психолога Дана Бар-Она «Груз молчания»¹. В середине 80-х Бар-Он взял 58 интервью у детей нацистов. Он пытался понять, что чувствуют эти люди, как они примиряют любовь к родителям со знанием о том, что их отцы ответственны за преступления нацистского режима. После каждого спектакля, первые показы которого прошли в мае 2010 года, мы обсуждаем «Груз молчания» со зрителями. И начиная с самого первого обсуждения зрители заговорили о том, что им очень не хватает подобного спектакля, созданного на отечественном материале. История Холокоста — важный повод для разговора о памяти и ответственности, но в России, где нет общественного консенсуса по поводу советского прошлого (да и не только его), важно услышать как можно больше свидетельств и воспоминаний. Тем более, что наша ситуация куда сложнее немецкой. Российский тоталитаризм длился не 12 лет, а репрессировавшие в течение одной ночи могли стать репрессированными.

Примерно за месяц до того, как я начал репетировать «Груз молчания», автор многих просветительских проектов Александра Поливанова в феврале 2010 года предложила Театру.doc идею документального спектакля, который был бы создан на основе интервью с потомками сотрудников НКВД и ГУЛАГа. Мы знали о работе друг друга и летом 2011 года объединили свои усилия. Мы брали интервью у внуков, детей и правнуков сталинских министров, высокопоставленных цензоров и сотрудников КГБ, руководителей ГУЛАГа. Нам было принципиально важно, чтобы наши герои не были идейными союзниками своих предков — разговор со сталинистами не имел бы никакого смысла. Мы разговаривали с теми, кто живёт в конфликте или в напряжённом диалоге со своей семейной историей. Наши герои рассказывают о своих семьях, о взрослении, о том, как они узнали, чем именно занимались их бабушки, дедушки или родители. Как они относились к этому раньше, что они чувствуют сейчас. Что они думают об истории, об ответственности и семейных связях. Для пьесы было использовано 10 интервью. Спектакль «Второй акт. Внуки» вышел в ноябре 2012 на площадке Сахаровского центра при поддержке Гёте-института и швейцарского фестиваля CultureScapes. Мы, авторы «Внуков», часто называем их документальным театральным проектом — в частности, потому, что эта работа не завершена. Мы продолжаем брать интервью.

Удивительно, но мы были первыми, кто разговаривал с нашими героями об их детстве, взрослении и сегодняшней рефлексии. К сожалению, это не повод испытывать гордость первооткрывателя. В каком-то смысле травма и драма этих людей — концентрированная драма всей страны.

Есть множество способов рассказать об этой драме. Театр представляется нам наилучшим. На первый взгляд, театр, даже работающий с документом, — прямое противо-

¹ Dan Bar On, *Legacy of Silence: Encounters with Children of the Third Reich*, Harvard University Press, 1991

речие памяти. Он не может «зафиксировать» и повторить. Работа театра с исторической памятью — метод, который мы и многие наши коллеги и единомышленники называем «драма памяти», — заключается не в том, чтобы ее сохранить. Хранит музей. «Драму памяти» уместнее сравнить не с музеем, а с местом археологических раскопок. Это активный процесс раскрытия скрытого и забытого.

И при этом только театр, в отличие от других искусств и медиа, даёт возможность непосредственного переживания действия, которое происходит здесь и сейчас, переживания интимного и уникального.

В случае с документальным театром уникальность проявляется дважды — и в материале, и в художественной форме. Мода на документальное искусство совсем не случайна. Запрос на подлинное, уникальное, индивидуальное, неповторимое и неповторяемое индивидуальное будет расти еще и потому, что социальные сети, куда мы частично переселились, в большей степени предполагают копирование, дублирование и коммуникацию ради акта коммуникации, а не для того, чтобы услышать индивидуализированное высказывание. Но разговор о том, что такое современная (российская и не только) идентичность, невозможен без исследования индивидуальной памяти в контексте большой Истории.

Увы, частная память вынуждена бороться за своё место в истории. Когда я начал писать этот текст, Владимир Путин, отвечая на вопрос, будет ли в России единый учебник истории, сказал: «Без официальной оценки нет понимания того, что происходило с нашей страной в течение прошлых столетий».

Эта фраза — великолепное в своей законченности проявление тоталитарного отношения к истории. В результате учебники переписываются не потому, что в обществе или в профессиональном сообществе формируется новый консенсус, а потому, что меняется политический курс.

Так появляется история, которая, строго говоря, не имеет отношения ни к исторической науке, ни к исторической памяти — особенно к памяти. Историческая память, важнейший фактор формирования индивидуальной и групповой идентичности, сегодня едва ли не главный антагонист официальной истории без истории. Истории, в которой ничего не меняется и не происходит, где присутствуют абстрактные «мы» и «они». «Мы» всё время окружены кольцом многочисленных, но похожих друг на друга врагов, и при этом не несём ответственности ни за что.

Противоположная позиция — позиция мемуариста, любого, кто создаёт предельно индивидуализированное воспоминание. Частный опыт противоречит имперской истории без истории.

Но отдельные голоса, рассказывающие про частный, уникальный, индивидуальный исторический опыт, не так просто услышать. Российское общество не то, что не проговорило травму. Оно даже толком не поговорило о травме, и потому в сегодняшней России так пугающе актуальны слова Генриха Бёлля из «Франкфуртских лекций»: «Вина, раскаяние, покаяние, прозрение так и не стали категориями общественными, уж тем более — политическими».

И если слово «политический» произнесено, пусть и в цитате, то нельзя не сказать о том, насколько и проект «Второй акт. Внуки», и другие спектакли и читки «драмы памяти» являются политическим театром. Безусловно. Но политическим не в смысле сиюминутной злободневности. Кинокритик Николай Гладких писал: «Документальный театр — театр открытого финала (по смыслу) и открытого переживания (по технике ра-

боты с эмоциями зрителя). Смысловая проблематизация не хочет психологического завершения, ей нужны провокация и энергия гнева, пусть даже обращенная на создателей спектакля. В этом документальный театр похож на авангардистский, но у него есть и важное отличие от множества авангардистских акций — разбужденную мысль и энергию он стремится преобразовать в энергию сознательного социального поступка».

«Второй акт. Внуки» — тот самый случай, когда нам, авторам, хотелось преобразовать энергию зрительских впечатлений в осознанные действия. Я далёк от иллюзии, что маленький низкобюджетный проект, живущий на не самой театральной площадке Москвы и заведомо рассчитанный на небольшое количество зрителей, может стать источником таких действий или такой рефлексии, которые сразу будут заметны в социуме. Мы, авторы «Внуков», предпринимаем попытку поговорить о том, о чём обычно молчат. И в этой попытке разговора важно не только и не столько осознание того, что мы предъявляем обществу совершенно новый материал, который может быть использован историками. К воспоминаниям наших героев можно предъявить множество фактологических претензий: они ошибаются, путают даты, должности и даже количество родственников. Но для нас куда важнее психологическая достоверность их свидетельств, острое ощущение связи семейной истории с историей страны, рефлексия. Возможно, это и есть главный результат нашего проекта. По крайней мере мы говорим о том, как возникает травма. Обычно у подобных разговоров бывает терапевтический эффект.

Сессия IV

**ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА
В КОНТЕКСТЕ СПОРНОЙ ИСТОРИИ**

Давид Оганесян,
*чрезвычайный и полномочный посол Армении,
член комиссии по турецко-армянскому примирению (TARC),
профессор Ереванского Государственного Университета (ЕГУ),
директор центра по исследованию проблем
культуры и цивилизации при ЕГУ*

ТУРЕЦКО-АРМЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУРЕЦКО-АРМЯНСКОЙ КОМИССИИ ПО ПРИМИРЕНИЮ (TARC)

Политика первого президента Армении Левона Тер-Петросяна, который сразу же после своего избрания на этот пост в 1991 г. обратился к турецкой стороне с предложением незамедлительно и без всяких условий установить дипломатические отношения, признав проблему Геноцида армян в Османской империи, была довольно сдержанной, но давала возможность сразу же нормализовать отношения между двумя государствами. Следует отметить, что в это время карабахская война еще не началась, и трудно предположить, какое развитие получили бы события в условиях добрососедских армяно-турецких отношений.

Президент Турции Тургут Озал со своей стороны также стремился преодолеть жесткое сопротивление турецких националистов и нормализовать отношения с Арменией, великолепно понимая, что реальное примирение двух народов связано с проблемой признания Геноцида армян. Согласно информации некоторых источников, он предпринимал определенные шаги в этом направлении, однако этот процесс остался незавершенным вследствие его неожиданной кончины.

Второй президент Армении Р.Кочарян занял более жесткую позицию в вопросе Геноцида, выделив проблему его международного признания в качестве одной из первоочередных задач армянской внешней политики.

Вместе с тем он решился на беспрецедентный шаг: в эксклюзивном интервью, данном известному турецкому журналисту Мехмету Али Биранду, Р.Кочарян заявил, что Армения территориальных или каких-либо иных притязаний, возникших в результате Геноцида армян в Османской империи или его последствий, по отношению к Турции не имеет. Заявление, после которого должны были, по всей видимости, рассеяться все возможные тревоги и сомнения турецкого политического и военного руководства относительно посягательств армян на территориальную целостность их государства.

Турция обуславливает нормализацию отношений с Ереваном не только отказом армянской стороны от деятельности по международному признанию Геноцида армян в 1915–1923 гг., но и, как известно, урегулированием отношений между Арменией и Азербайджаном. Следует отметить, что в то же время Турция имеет дипломатические отношения с целым рядом государств, с которыми существует множество серьезных и до сих пор не решенных проблем, в том числе — территориальных (Греция, Сирия, Иран, Болгария и т.д.).

Подобная непоколебимость Турции в вопросе урегулирования отношений с Арменией не позволяет удовлетвориться теми причинами, которые обычно приводит Анкара, пытаясь оправдать свою позицию. Из всего вышеизложенного можно прийти к

единственному логически обоснованному выводу: Турция не рассматривает Армению как государство, с которым следует нормализовать и шаг за шагом улучшать отношения, строить совместную систему безопасности, сотрудничать в приграничной зоне, совместно участвовать в решении региональных проблем и т.д.

Естественно предположить, что Турция не рассматривает Армению как государство, с которым следует нормализовать отношения, поскольку Армения не соответствует каким-то ожиданиям или же параметрам, которые являются важными для Турции.

По всей видимости, именно эта точка зрения возобладала в период с 1993 по 1999 гг.

После саммита ОБСЕ в Стамбуле и встреч на высшем уровне с участием президентов США и Франции было принято решение возобновить переговоры между нашими двумя странами с целью обсудить все проблемы, связанные с двухсторонними отношениями, и возможность их урегулирования.

По разным причинам эти переговоры также не привели к какому-либо ощутимому результату.

Именно в это время была реанимирована муссировавшаяся еще с начала 90-х гг. идея активизации тех групп гражданского общества двух стран, которые демонстрировали желание сотрудничать ради решения тех проблем, которые не позволяли двум странам, более того — двум народам, относиться друг к другу так, как обычно относятся друг к другу соседствующие государства и народы.

Армяно-турецкая комиссия по примирению была создана по инициативе Государственного департамента США в 2001 г. в рамках так называемого The Track Two Programme. Эта технология нахождения приемлемых решений в отношениях между государствами и народами предполагает неформальные обсуждения вопросов, мешающих нормализации отношений, в особенности в тех случаях, когда проблема связана с историческими важнейшими событиями, которые повлияли на судьбы народов и трактуются сторонами диаметрально противоположным образом.

С обеих сторон участниками этих неформальных обсуждений обычно являются видные представители политических, дипломатических, научных кругов, выражающие мнение как общества, так и, в какой-то степени, государства. В результате обсуждений проясняются те параметры, в которых необходимо вести переговоры на официальном уровне, реальные вопросы, требующие детального обсуждения и компромиссов, а также выделяются те проблемы, по которым на данном этапе компромисс невозможен. Технология с успехом была применена, например, в Южной Африке, а также в некоторых других случаях, в том числе, для достижения дипломатического прорыва в отношениях между греками и турками.

Армяно-турецкая комиссия по примирению являлась основным проектом программы, который должен был, по замыслу организаторов и участников, создать возможность для встреч между представителями различных групп двух стран и широкого обсуждения всех без исключения проблем двухсторонних отношений в гражданских обществах. Деятельности комиссии на разных этапах ее работы оказывали поддержку правительства Австрии, Швейцарии, Швеции, Норвегии, Великобритании.

В комиссии с турецкой стороны участвовали бывший министр иностранных дел Ильтер Туркмен, бывшие послы Оздем Санберг и Гундуз Актан, бывший ректор университета Богазчи Устун Ергудер, генерал в отставке Шади Ергувенч.

Армянская сторона была представлена бывшим министром иностранных дел Александром Арзуманяном, послом по особым поручениям Давидом Оганесяном, а также

двумя представителями армянской диаспоры — исполнительным директором Американской Армянской ассамблеи юристом Ваном Крикоряном и бывшим советником президента России Ельцина политологом Андраником Миграняном. В некоторых встречах принимали участие и другие известные в своих странах личности.

На встречах Комиссии обсуждались практически все вопросы, имеющие отношение к армяно-турецким отношениям, причем члены Комиссии на первой же встрече заявили, что они выражают свое и только свое мнение. При всем разнообразии обсужденных тем львинная доля времени на всех встречах была отдана дискуссиям по вопросу признания Турцией факта Геноцида армян.

* * *

Важнейшее, принципиальное противоречие между армянским и турецким народами, двумя национальными мифологическими и ценностными системами находится не в видении будущего (все народы хотят жить в условиях мира и справедливости и то, что предлагается сторонам после нормализации отношений, полностью их удовлетворяет), а в прошлом. Возникший в результате антагонизма систем ценностей «прошлого» конфликт возможно решить только посредством их, то есть систем ценностей «прошлого», сближения. А это, в свою очередь, возможно, только если стороны оценивают события и процессы хотя бы приблизительно с одинаковых позиций.

Проблема Геноцида для обеих (как это ни парадоксально) сторон является одним из важнейших критериев самоидентификации.

Для нас и, в особенности, для армян диаспоры она связана с мифологемами «Потерянный рай» и «Обетованная земля», восстановлением божественной справедливости и возможностью вновь обрести «Эргир»(страна, дом, родина).

Первое поколение армян, выживших после Геноцида, в качестве основы своего мироощущения сначала совершенно подсознательно, а позднее — в очень четких формулировках (см., например, работы одного из крупнейших национальных мыслителей 20 в. Гарегина Нжде) имела базовую ценность выживания, что привело их к мысли о необходимости воссоздать, восстановить «Эргир» на новом месте проживания. Создание структур диаспоры имеет целью не просто создание атмосферы, комфортной для носителей данной национальной идентичности, а является именно попыткой «нового обретения» Дома, Очага, Родины. Именно поэтому церкви, клубы, школы и пр. строятся в максимально приближенном виде к тому, что было уничтожено. Тот же Дом, тот же Очаг, и, в конечном счете, та же Родина, но в усеченном, так сказать, «диаспоральном» варианте.

Однако эта попытка «обретения» заранее обречена на неудачу, так как пространство, «реконструированное» и названное «армянским», остается замкнутым и ограниченным, оно не может жить полноценной самостоятельной жизнью, оно заканчивается там, где начинается социальная включенность членов диаспоры в происходящие за границами этого пространства процессы более глобального плана.

Утеря Родины, Очага, Дома мифологизирует и само восприятие времени. В день Великого Ехерна («Великая Трагедия» — именно так называется по-армянски то, что произошло с армянским народом в начале 20-го в.; напрашивается параллель с Холокостом) линейное развитие времени прервалось, история завершилась. Все, что происходило, происходит и будет происходить с нами, было до Великого Ехерна, есть и будет после Великого Ехерна.

Мифологическое сознание воспринимает осуществленный турками Геноцид как точку «Ноль» во времени. В особенности это присуще мировосприятию потомков армян, переживших Геноцид, для которых «армянское» время в их осознании времени не линейно, а циклично и замкнуто в дискретном «армянском» пространстве клубов, церкви и других диаспоральных институтов.

Конечно, с возникновением независимой Армении эта ситуация несколько изменилась, так как значительная часть армянства осознает и воспринимает армянскую государственность как центр армянской нации, а этому центру, живущему, действующему, планирующему в реальном историческом времени и пространстве, присуще линейное развитие времени.

Для сегодняшнего поколения турок она связана с мифологемой «Падение Великого Царства» с присутствием религиозного элемента, т.к. «Царство» является также халифатом, объединяющим всех мусульман — умму. Крушение Османской империи, период расцвета которой воспринимается как «звездный час» турецкого народа, также является своего рода нулевой отметкой, с которой начинается современная история страны, и отношение к событиям, зачеркнувшим старое и давшим начало новому, весьма принципиально для современных турок.

Вместе с тем, в памяти турецкого народа до сих пор весьма актуально то, что все соседствующие сегодня с Турцией государства некогда входили в состав Османской империи, народы, населяющие эти страны, вели национально-освободительную борьбу против нее, а, значит, являлись ее врагами. Вамик Вулкан, известный американский психолог, турок по происхождению и участник нескольких встреч Армяно-турецкой комиссии по примирению, говорит о «травме национального сознания», связанной с крушением Османской империи и потерей значительной части ее владений, в том числе, Балкан, что также было связано для многих турецких семей с потерей Дома.

Многие турецкие интеллектуалы признают, что и поныне, спустя уже много лет, менталитет народа, окруженного врагами, остается у части турецкой элиты, поддерживается и используется в общественном сознании для радикального национализма, сохранения остатков полицейского режима в стране и напряженности в отношениях с соседями.

Геноцид, обозначенный в нашем сознании как «Мец Ехерн», для турок, в зависимости от отношения к нему, — событие, связанное с крушением Османской империи, т.е. означает конец истории (империи), или, с другой стороны (Кемал Ататюрк), начало истории (новой Турции).

Вследствие проводимой на протяжении последних 20 с лишним лет политики (блокада, отказ установить дипломатические отношения, противодействие в международных организациях и пр.) Армения и армянство продолжают воспринимать Турцию как источник непосредственной опасности, который неискренен даже в тех нескольких случаях, когда демонстрировал добрую волю.

Причину пытаются найти в проблеме признания-непризнания Геноцида, так как историческая память диктует бороться за такие решения, в случае реализации которых будет возможно исключить в дальнейшем повторение трагедии.

Именно в этом и состоит основное различие в отношении к проблеме Геноцида между гражданами Армении и армянами диаспоры. Для диаспоры мифологическая составляющая является важнейшим фактором самоидентификации и — в условиях жизни вне родины — усиления действия этнозащитных механизмов.

Для Армении признание Геноцида, в первую очередь, связано с проблемой обеспечения безопасности государства, национальной безопасности, поскольку признание Геноцида означает признание и осознание содеянного, иначе говоря, является покаянием. Покаяние же является залогом того, что подобная трагедия более не повторится, а для множества армян, греков, курдов, и представителей прочих национальных меньшинств — что Турция потеряла свою геноцидальную сущность, характерную для всех распадающихся империй, а турецкое общество сформировалось в качестве зрелого гражданского общества, действия которого предсказуемы.

В самом начале своей работы председатель комиссии Д.Филлипс предложил обсудить возможность создания отдельных рабочих групп, которые должны были бы сосредоточиться на обсуждении возможности сближения позиций в отдельных приоритетных сферах двухсторонних отношений. В числе прочих было предложено обсудить возможность создания подкомиссии историков. После недолгой дискуссии это предложение было отвергнуто по двум основным причинам:

а/ проблема Геноцида и его признания имеет очень важное политическое значение, связанное с насущными национальными интересами;

б/невозможность подобрать с обеих сторон таких историков, которые бы пользовались непререкаемым авторитетом и не были бы подвержены воздействию различных сил и факторов.

В процессе дальнейших обсуждений АТКП полностью отказалась от идеи создания подкомиссий или рабочих групп. В какой-то мере это решение было связано со все более четким осознанием важности и принципиального характера взятой членами АТКП на себя миссии, которая вызвала многочисленные нарекания, переросшие в жесточайшую критику, в особенности, в армянских масс-медиа, причем как в Армении, так и в диаспоре.

Общественность имела достаточно серьезные причины для беспокойства, в первую очередь, по той причине, что перечень проблем, дискутируемых за закрытыми дверями и содержание самих обсуждений, по взаимной договоренности, подробно не раскрывались. После каждой встречи комиссии председательствующий (Девид Филлипс) согласовывал текст краткого коммюнике со всеми членами АТКП, и после этого оно публиковалось в СМИ. Очевидно, что после подобной процедуры текст, созданный очень опытным и знающим специалистом, говорил многое людям сведущим и очень мало — широкой публике.

Многие критики АТКП считали, что турецкая сторона попытается использовать работу АТКП для затягивания процесса признания Геноцида парламентами различных стран. К сожалению, один из наших коллег, Оздем Санберг, в своем интервью одной из азербайджанских газет прямо об этом сказал, после чего на очередной встрече комиссии вынужден был принести извинения председателю и остальным членам комиссии.

Несмотря на то, что обсуждения были посвящены, в основном, проблеме признания Геноцида Турцией и связанными с этим возможными последствиями(следует упомянуть, что именно эти опасения являлись причиной того, что некоторые из турецких коллег ставили под сомнение сам факт Геноцида, а армянская сторона полностью осознала, что в поле действия реальной политики на данный момент совершенно невозможно ожидать такого шага от турецкого правительства, и, вместе с тем, считала совершенно неискренними попытки отрицания Геноцида в процессе обсуждения внутри комиссии), комиссия пыталась оказать позитивное воздействие на процесс принятия ре-

шений, напрямую связанных с улучшением атмосферы и снижением уровня недоверия. Так, например, комиссии удалось добиться облегчения визового режима для граждан Армении при въезде в Турцию.

После нескольких встреч, во время которых дискуссии становились все более эмоциональными, поскольку стороны заняли относительно проблемы признания Геноцида весьма жесткую позицию, и встал вопрос о целесообразности проведения дальнейших встреч, председательствующий выступил с предложением, отказ от принятия которого засвидетельствовал бы неискренность и стремление всего лишь имитировать процесс переговоров.

Выходом из создавшегося положения американская сторона в лице председателя АТКП Д.Филлипса видела совместное обращение армянских и турецких членов комиссии к одной из самых авторитетных в данной области организаций — Международному Центру Переходной Справедливости (International Centre for Transitional Justice) — с просьбой обеспечить юридическую экспертизу соответствия событий начала века Конвенции ООН по предотвращению и наказанию за преступление геноцида.

На слушаниях в МЦПС турецкую сторону представлял Гундуз Актан при поддержке одной из нью-йоркских юридических фирм, а армянскую сторону — Ван Крикорян, имевший огромный опыт в лоббировании признания Геноцида Соединенными Штатами.

Экспертиза МЦПС впервые с юридической точки зрения охарактеризовала эти события как геноцид и, что чрезвычайно важно, турецкие члены комиссии приняли эту оценку. В экспертной оценке МЦПС отмечалось также, что признание событий начала 20-го в. Геноцидом не будет иметь юридических последствий, так как закон (в данном случае — Конвенция ООН) не имеет обратной силы.

Этот документ был опубликован на английском, турецком и армянском языках в международных, армянских и турецких СМИ.

Благодаря деятельности Армяно-турецкой комиссии по примирению возникла совершенно новая действительность, в которой стало возможным открытое обсуждение проблемы Геноцида армян в турецком гражданском обществе.

С точки зрения армяно-турецких отношений, признание Геноцида будет означать сближение систем ценностей на основе близких друг другу оценок прошлого, что станет хорошей базой для созидания совместного будущего в нашем регионе.

Следующим весьма важным результатом деятельности Комиссии явился разработанный комиссионерами документ, содержащий рекомендации правительствам обоих государств. Текст Рекомендаций содержит перечень тех необходимых шагов, благодаря которым возможно будет достичь нормализации и установления полноценных дипломатических отношений между двумя странами, что, по глубокому убеждению всех членов Комиссии, является насущной необходимостью.

Однако, с моей точки зрения, важнейшими результатами деятельности АТКП были следующие:

- а) было положено начало разрушению различного рода табу и стереотипов, которые не позволяют двум народам, двум обществам вести реальный диалог;
- б) деятельность АТКП спровоцировала открытое обсуждение проблем, связанных с армяно-турецкими отношениями и, в первую очередь, проблемы Геноцида;
- в) уже в процессе деятельности АТКП начались встречи между различными группами армян и турок — журналистами, молодежью, бизнесменами, парламентариями, представителями НПО и пр. Эти встречи уже проводились беспрепятственно, не вызывая особенного общественного резонанса.

После того как подписанные в 2008 г. в Цюрихе протоколы не были представлены на ратификацию в парламенте Турции, армянская сторона также затормозила этот процесс. Эти события оказали очень негативное воздействие на процесс нормализации отношений между двумя нашими странами.

Два основных урока, которые я извлек из своего опыта участия в самых различных инициативах по нормализации армяно-турецких отношений, формулируются мной следующим образом:

- а) недопустимо смешивать отношения между гражданскими обществами с отношениями между государствами. Гражданские общества должны сами диктовать свои представления государственным институтам особенно в таких принципиальных вопросах, как отношения между соседними народами;
- б) недопустимо для представителей гражданского общества руководствоваться в своей деятельности сиюминутными, краткосрочными, узкопартийными, идеологизированными представлениями о национальных интересах, которые на поверку часто оказываются интересами определенных внешних или внутренних групп.

Маркус Меккель,
*теолог, один из основателей
Социал-демократической партии в ГДР,
министр иностранных дел ГДР,
депутат Бундестага (1990–2009)*

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМИРЕНИЕ В ГЕРМАНИИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Уважаемые дамы и господа!

После победы союзников над гитлеровской Германией и выявления всех страшных и бесчеловечных преступлений, совершенных немцами во всей Европе — наиболее выделяющимся среди них был холокост, геноцид европейских евреев — нам, восточным и западным немцам, пришлось жить с этим тяжким бременем.

На Нюрнбергских процессах после Второй мировой войны союзники осудили главных нацистских преступников и через денацификацию инициировали процесс очищения общества. Однако непосредственно саму задачу преодоления этих преступлений пришлось решать обоим германским государствам.

Я вырос в коммунистической Восточной Германии, в ГДР. Там поначалу преступления были названы открыто, но со временем уничтожение европейских евреев отошло на задний план, и на передний план вышли преступления против Советского Союза. Антифашизм ГДР, который импонировал левым интеллектуалам и притягивал их во всем мире, всё больше становился легитимационной идеологией для восточной, коммунистической части Германии. Реальной общественной дискуссии о немецких преступлениях и связанной с этим их собственной ответственности не существовало. В официальной пропаганде эта ответственность возлагалась на Запад, ГДР была на стороне Советского Союза, на стороне исторических победителей. Только после мирной революции 1989 года и первых свободных выборов Народная палата ГДР приняла 12.04.1990 декларацию, в которой признавала вину прошлого и брала на себя вытекающую из этого ответственность. На этом фоне свободно избранное правительство ГДР выступило за безусловное признание германо-польской границы по Одру и Нейсе, а затем также пригласило евреев из Советского Союза приезжать в ГДР.

В Западной Германии, то есть в западных оккупационных зонах, а с 1949 года в Федеративной Республике Германии, темы прошлого тоже всё больше отодвигались на задний план. Все силы отдавались восстановлению. Американцы поддержали это восстановление, предложив так называемый план Маршалла, приведший к «экономическому чуду» и тем самым способствовали более широкому восприятию демократии в обществе. Значительную роль сыграла также надвигающаяся холодная война. Западные державы были заинтересованы в интеграции Федеративной Республики в западные структуры. Это привело в обществе отчасти к тому, что, как и в период нацизма, сильная антикоммунистическая позиция снова получила признание, а вместе с ней социально приемлемыми вновь стали старые авторитарные и реакционные модели поведения. Одновременно вопросы осознания собственной вины и ответственности снова и снова приводили к резкой конфронтации в обществе. Но западная интеграция оказала

также огромное давление в направлении начала диалога с бывшими врагами. Франция стала самым важным партнером в Европе. Так между Германией и Францией начался процесс примирения, продвигаемый ведущими политиками Аденауэром и де Голлем. Они дальновидно осознавали, что, только преодолев враждебность, оба народа смогут справиться с вызовами будущего.

Созданием Немецко-французской молодёжной организации они способствовали тому, что послевоенные поколения обеих стран совсем по-новому узнали друг друга. Обе страны стали тогда двигателем Европейского сообщества, нынешнего Европейского союза.

В середине 50-х годов Западная Германия также присоединилась к НАТО, западной системе безопасности во главе с Соединенными Штатами. Еще раньше, в конце 40-х годов, американцы и британцы, благодаря воздушному мосту, по которому во время советской блокады они снабжали Западный Берлин, все больше и больше завоевывали доверие западногерманского населения. Не в последнюю очередь, с учетом важной роли Израиля для США, канцлер Аденауэр начал процесс примирения с Израилем. Этот процесс нашел глубокое признание в немецком обществе, имеющее место и сегодня.

Немецкая общественность начала процесс осознания своего прошлого в период нацизма с Освенцимского процесса 1963 г. Он был проведен вопреки ожесточённому сопротивлению германской судебной власти и элиты и потряс всю нацию. В последующие годы молодое поколение восстало против многих старых, изношенных шаблонов общества и перенесло вопрос об ответственности, проистекающей из вины прошлого, в сферу публичной дискуссии. С того времени признание собственной немецкой вины и ответственности является важным ценностным канонем германской политики.

Затем с 1969 г., когда канцлером был Вилли Брандт, этому соответствовала также переориентация политики. Брандт, сам эмигрант и участник сопротивления против Гитлера, чей лозунг «Смелее, больше демократии!» особенно привлекал именно молодежь, начал тогда совершенно новый социальный дискурс при активной поддержке тогдашнего федерального президента Густава Хайнемана. Широкая общественность начала активно обсуждать вопросы, связанные с преодолением национал-социализма. С этим была также связана новая политика в отношении восточных соседей. Хотя они были под властью коммунистов, но с новой восточной политики Вилли Брандта началось новое признание результатов Второй мировой войны. Хотя единство Германии и оставалось неизменной целью, но Вилли Брандт был готов признать послевоенные границы с Польшей. Этим он вызвал по отношению к себе сопротивление консервативной стороны, даже враждебность со стороны союзов беженцев.

Встав на колени перед памятником жертвам Варшавского гетто, Вилли Брандт особым и убедительным образом выразил свою волю к примирению и одновременно показал, что Восточные договоры касаются, в первую очередь, не коммунистических правительств, а народа, перед которым мы, немцы, несём тяжкое бремя вины.

Эта политика примирения была подготовлена в предыдущие годы церквями в обеих странах. В 1965 году протестантские церкви в Германии опубликовали после интенсивных дискуссий меморандум, в котором они выступали за признание германо-польской границы по Одру и Нейсе. Вскоре после этого, в конце Второго Ватиканского Собора, католические епископы Польши опубликовали письмо к немецким епископам, в котором было сказано: Мы прощаем и просим прощения!

Исходя из этого, многие социальные инициативы стали искать контакты в Польше. Особенно значительной в начале 80-х годов была волна солидарности с образованием независимого профсоюза Солидарность.

Хотя коммунистические правительства в ГДР и Польской Народной Республике стремились предотвратить любые контакты оппозиции в обеих странах, между ними существовала глубокая солидарность.

Тогда, в 1989 году, Польша положила начало победе свободы и демократии в странах Центральной Европы, которыми правили коммунисты. Мирные революции на улицах и за круглыми столами привели к свободным выборам и установлению демократии, а в Германии — к объединению страны. В этой связи огромное значение для будущего развития имело то, что в ходе процесса объединения, несмотря на некоторые попытки сопротивления в Германии, наконец необратимо и в обязательном порядке была признана германо-польская граница по Одере и Нейсе — результат Второй мировой войны.

Таким образом, кардинально изменился политический ландшафт в Европе. В Парижской хартии в ноябре 1990 года страны декларировали своё признание прав человека, демократии и свободы и общих ценностей. Большинство бывших коммунистических стран стали членами Совета Европы.

Новые демократические страны стали выражать своё настойчивое желание стать теперь и членами Европейского Союза и НАТО.

В результате длительного переговорного процесса так и произошло: в 2004 г. (а другие — в 2007 г.) они вступили в ЕС, а большинство из них перед этим вступили также и в НАТО.

В 1991 г. по инициативе министра иностранных дел ФРГ Геншера был создан так называемый Веймарский треугольник. Его составили Германия, Франция и Польша. Постоянно подчёркивалось, что процесс примирения с Польшей имеет такое же значение, как и в случае с Францией. При этом он был гораздо более сложным, потому что в коммунистическую эпоху многие предубеждения прочно запечатлелись в душах людей, и это использовалось в идеологических целях. Однако работа по преодолению прошлого нуждается в свободном и открытом обществе, свободном общественном дискурсе. Такой дискурс в бывшем коммунистическом обществе стал возможным лишь после 1990 г. Таким образом, подобные процессы примирения не только нуждаются в активных и мужественных людях с обеих сторон для того, чтобы сделать первые шаги и разорвать, преодолеть укоренившиеся общественные стереотипы. Нужны также время и упорство.

И хотя в течение последних двух десятилетий время от времени возникали проблемы, берущие свое начало в ещё не преодоленном прошлом, тем не менее всегда удавалось разбирать такие завалы. Важную роль при этом играли двусторонние социальные институты, деятельность которых опиралась на большую активность общества в обеих странах. К ним относятся те, которые организуют молодежные обмены, равно как и те, которые способствуют социальным контактам и сотрудничеству. Они были основаны в начале 90-х годов и хорошо себя зарекомендовали. Сколько бы ни пытались определённые политические силы с обеих сторон создать себе политический капитал на ресентименте по отношению к другой стороне, им это удаётся всё меньше.

В начале нового века между Германией и Польшей было много дискуссий об изгнании немцев с территорий к востоку от Одера в конце войны и позднее. Это некоторое время в значительной степени отравляло отношения между обеими странами. Но и эти

проблемы удалось преодолеть. В настоящее время в Польше создаётся музей Второй мировой войны, в разработке концепции которого приняли участие международные специалисты, в том числе и немецкий. В выставке, посвящённой теме изгнаний, которая создаётся в Берлине, также участвуют поляки. Недавно была создана «Европейская сеть Памяти и Солидарности» со штаб-квартирой в Варшаве тоже с участием Польши, Германии, Словакии и Венгрии (www.enrs.eu). Её целью является преодоление исторического бремени на транснациональном уровне и решение сложных проблем в условиях поиска истины и понимания.

Таких трансграничных конфликтов, ожидающих своего преодоления, на сегодняшний день существует великое множество. Так, доныне для Венгрии остаются болезненными вопросы, касающиеся результатов Первой мировой войны, Трианонского договора. Это постоянно приводит к проблемам между Венгрией и ее соседями или конфликтам в соседних государствах с венгерским меньшинством. Следует также упомянуть конфликты между украинцами и поляками в конце Второй мировой войны. Они и сегодня всё ещё отягощают отношения между двумя странами.

В 2015 году исполнится сто лет со времени геноцида армян. В то время Германия была союзником Османской империи и была очень хорошо проинформирована через военных и дипломатов об этих страшных событиях в Османской империи. В то же время имели место попытки немецкого пастора Йоханнеса Лепсиуса посредством документов разбудить немецкую и международную общественность. В 2005 году Германский Бундестаг по случаю 90-летия трагедии также повёл дискуссию о немецкой доле ответственности за этот геноцид.

В будущем важно будет предпринимать дальнейшие шаги в ценностном осознании нашей истории и тем самым способствовать предотвращению конфликтов между государствами и народами.

Большая проблема для всей Европы и за её пределами заключается в том, как этому научиться.

СОДЕРЖАНИЕ

Сессия I

Историческая наука в контексте спорной истории

<i>Наталья Яковенко.</i> «Спорная история» в исследовательских проектах 2013 г. (на примере грантовых заявок из России, Украины и Беларуси)	13
<i>Никита Соколов.</i> Преодоление героического нарратива	18
<i>Владимир Маслийчук.</i> Изображение межэтнических и национальных конфликтов в украинской историографии. Попытки «бегства» и «признаний»	22

Сессия II

Историческое просвещение в контексте спорной истории

<i>Георг Штобер.</i> Школьная история и пересмотр учебников — Опыт диалогов на тему совместной и разделенной истории (и географии)	33
<i>Марта Вердорфер.</i> Разная память — один взгляд на историю? Проект учебника истории для различных языковых групп в Южном Тироле	43
<i>Аднан Мусаллам.</i> Историческое образование в контексте спорной истории: палестинский исторический нарратив	49
<i>Эйал Нехев.</i> «Успешный провал» — попытка использования двойного нарратива в израильско-палестинском учебнике	56

Сессия III

Общественные и медийные инициативы в контекстах спорной истории конфликта

<i>Георгий Анчабадзе.</i> Мой опыт «исторической дипломатии» в грузино-абхазском конflikте	67
<i>Михаил Калужский, Александра Поливанова.</i> Документальный театр и историческая память. Опыт проекта «Второй акт. Внуки»	77

Сессия IV

История и политика в контексте спорной истории

<i>Давид Оганесян.</i> Турецко-армянские отношения и деятельность турецко- армянской комиссии по примирению (TARC)	83
<i>Маркус Меккель.</i> Историческое примирение в Германии и Восточной Европе	90